

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ТОМАС ХАНШЕУ

ЧЕЛОВЕК ИЗ
СКОТЛАНД-ЯРДА

Клуб классического детектива

Томас Ханшеу

Человек из Скотланд-Ярда

ИД «Флюид ФриФлай»

1895

УДК 821.111-312.А
ББК 84(0)-9-44я43

Ханшеу Т.

Человек из Скотланд-Ярда / Т. Ханшеу — ИД «Флюид
ФриФлай», 1895 — (Клуб классического детектива)

ISBN 978-5-906827-81-4

Томас Ханшеу родился в Бруклине в 1857 году. С 16 лет играл в театре, сначала второстепенные роли, позже – главные. В 1892 году вместе с семьей переехал в Великобританию. Известность Томасу Ханшеу как автору принесла серия книг о «человеке с тысячью лиц» Гамильтоне Клике (к этой серии принадлежит и представленный нами роман «Человек из Скотланд-Ярда»), впервые появившемся в рассказах в 1895 году.

УДК 821.111-312.А
ББК 84(0)-9-44я43

ISBN 978-5-906827-81-4

© Ханшеу Т., 1895
© ИД «Флюид ФриФлай», 1895

Содержание

Человек из Скотланд-Ярда	6
Пролог. Поиски человека, который исчез	6
Глава I	22
Глава II	26
Глава III	32
Глава IV	36
Глава V	39
Глава VI	42
Глава VII	46
Глава VIII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Томас Ханшеу

Человек из Скотланд-Ярда

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Человек из Скотланд-Ярда

Пролог. Поиски человека, который исчез

ГОСПОДИН МАВЕРИК НЭРКОМ, суперинтендант Скотланд-Ярда, отбросил в сторону газету, которую читал, и развернулся в своем крутящемся кресле, насторожившись, как терьер, который учуял крысу.

Он знал хорошо, что предвещали шаги в коридоре, ведущем к его кабинету. Его посыльный наконец возвращался.

«Отлично!»

Теперь он займется реальными вопросами, вместо того чтобы копаться в горах насмешек придирчивых критиков и колкостей фанатичных репортеров, которые, казалось, решили, что Скотланд-Ярд, как и все силы правопорядка, вместе взятые, – скопище кретинов, раз каждый злодей в Лондоне не был призван к ответу и не все гнусные тайны трущоб раскрыты.

«Шайка бездельников! Поручить бы этим горлопанам расследование, чтоб на собственной шкуре оценили, насколько проста работа полиции! Раз они такие умные, посидели бы до двух часов ночи в кабинете, пытаясь сложить фрагменты головоломки, в поисках убийцы,

которого никто не видел. Да и кто убивал способом, который ни медицинская наука, ни юридический опыт не могли идентифицировать. Черт их всех побери...»

Дверь открылась и закрылась, и сержант уголовной полиции Петри шагнул в кабинет, снял шлем и застыл по стойке «смирно».

– Ну что там? – прорычал офицер, нервно постукивая пальцами по столу. – Говори! Это была ложная тревога или нет?

– Нет, сэр. Дела еще хуже, чем нам сообщили. Все оказалось много страшнее...

– Боже! Вы имеете в виду... Он мертв?

– Да, сэр. Мертв как Юлий Цезарь. Умер за двадцать минут до моего прибытия, – последовали громкий щелчок пальцев и резкое движение руки. – Так же, как другие, сэр. И никаких следов того, что вызвало смерть. Это пятый подобный случай, шеф! Никаких следов! Газеты опубликуют отчеты завтра.

– Отчеты? Они теперь считают нас совершенно беспомощными? – тут Нэрком всплеснул руками и рассмеялся безрадостным, нервным смехом. – Они могут вылить на нас еще больше помоев, разве нет? Повесить на нас еще больше собак? Выставить нас еще большими идиотами?.. Отнюдь не лучшее утешение для замученного жизнью налогоплательщика – узнать, что в любой момент, в любой час дня и ночи его может прикончить неизвестный злодей и что начальники учреждения, которое охраняет его покой за его же счет, способны сообщить его безутешной семье только: «Вот это да! Ну, ничего себе!» В городе воцарилась атмосфера чрезвычайного замешательства. Теперь мы должны доказать, что эффективность нашей уголовной полиции достаточно высока, чтобы не служить объектом издевательских фельетонов. И все это валится на мою голову, день за днем!.. Как будто я проклят, как будто все эти неудачи только того и ждали, пока я займу это кресло. И никакого внимания ошеломительному успеху прошлых шести лет. Ни единого слова о том, как полицейские управления других стран завидовали и жаждали обучиться нашим методам. Два месяца неудач, и все забыто! Господи, Гарри! Я готов обратиться к самому дьяволу, лишь бы заставить этих газетных писак взять свои слова обратно!

– Так почему вы не сделаете так, сэр? – тут Петри понизил голос на тон или два и настороженно осмотрелся по сторонам. Лишь убедившись в отсутствии посторонних, что в этих стенах само по себе было невозможно, он набрался храбрости заговорить вслух. – Бесплезно отрицать факты, господин Нэрком, что он не был одним из нас – одним из штатных сотрудников, я имею в виду, – тот парень, кто тянул на себе нашу контору в последние годы. Я имею в виду Клика, сэр. Вы знаете это, и я это знаю. Не знаю, в ссоре вы с ним, или же он отправился на выполнение сугубо секретной миссии, которая мешает ему заниматься текущими вопросами Скотланд-Ярда. Но если это не так, послушайте моего совета, сэр: немедленно вызовите его и поручите ему это расследование.

– Прекратите нести вздор! Вы думаете, что я ждал бы до сих пор, если бы мог что-то сделать? Поручить Клику это расследование! Как, забери мою душу дьявол, я могу сделать это, если я не знаю, где его искать? Он исчез вскоре после случая с Лапой Пантеры, шесть месяцев назад. Бросил свое жилье, дал расчет домработнице, уволил своего ассистента, Доллопса, и уехал, господь знает куда и почему, – прорычал Нэрком.

– Ого! Так вот почему о нем ни слуху ни духу в нашей конторе? А я-то все это время пытался понять, в чем дело! Клик исчез, а? Ну, хорошо! Вы не думаете, что он мог вернуться к своему старому ремеслу? Вновь стал неуловимым взломщиком?

– Нет, это исключено. Никогда не стоит ждать предательства от этого парня, Джеймс! Он полностью перековался. В последний раз, когда я видел его, он делал покупки с мисс Элизой Лорн – девушкой, которая вскружила ему голову. И судя по их взглядам друг на друга, я полагал... Хорошо, не важно! Это не имеет никакого отношения к нашим делам. Кроме того, я уверен, что если бы они собирались под венец, госпожа Нэрком и я были бы приглашены.

Все, что Клик сказал мне перед тем, как исчезнуть, сводилось к тому, что он собрался отдохнуть. Он не сказал, почему, и он не сказал, где. Я проклинаю себя за то, что не спросил его об этом... Я проклинаю себя за это с тех пор, как той чертовке-французенке удалось сорваться с крючка и слинять.

– Имеете в виду ту девку, которую мы взяли в доме на Рогэмптон вместе с бароном Моравии? Да, ту историю с «Серебряной ловушкой»... Марго, королеву апашей¹. Вроде бы вы называли ее именно так.

– Потому что это она и была! Я уверен в этом на все сто. Я никогда не видел ее до той ночи, это верно, но Клик сказал мне, что это – Марго... И кто может знать это лучше, чем Клик, если она была его дамой и сообщницей? Но это – один из чертовых недостатков британской юстиции. У нас слово жулика имеет тот же вес, что и слово офицера, если оно не опровергнуто фактическим доказательством... Та женщина привела дюжину свидетелей, чтобы доказать, что она почтенная австрийская дама, находящаяся в гостях у своего сына в Англии. То, что машина, в которой она приехала, сломалась примерно за час до нашего прибытия в дом на Рогэмптоне, и что та дама была просто приглашена в дом и ждала, пока ее шофер занимался ремонтом... Конечно, шофер был представлен суду, как и хозяин гаража, в котором ремонтировали злосчастный драндулет; так что, когда арестованный моравиец признался, что так все и было, у суда не осталось вопросов. Я не мог удостоверить ее личность, а Клик, который мог, пропал. Господь знает, где его носило. Тогда добросердечный судья отпустил женщину под залог, передал ее в руки адвокатов, ожидая, пока мы не найдем кого-нибудь из Парижа, чтобы идентифицировать ее. Но едва лисица была освобождена, ее и след простыл! Ни один человек в Англии больше ее не видал. Если б мне перекинуться хотя бы словом с Кликом, ей было бы не сорваться. Но его куда-то черти унесли!

– Думаю, нам не стоит убиваться и ломать голову по поводу бегства этой дамочки, – вздохнул Петри, поглаживая подбородок. – Она свалила назад в Париж, и я думаю, сэр, забилась там в нору, как любая лиса. Я слышал, что французские детективы столь же жаждут взять ее за жабры, как и мы, но она – дамочка скользкая, как угорь. Никому еще не удалось ее изловить. Можно сто раз увидеть ее, но так и не узнать, кто она на самом деле.

– Точно! Даже Клик не знает ничего о том, кто она на самом деле. Он признавался в этом мне. Да, я тоже считаю, что она действительно вернулась в Париж. Это для нее самое безопасное место. И для нее и ее шайки там раздолье. Прямо-таки город мечты!

– Да, сэр. Король Ульрик Моравский² сейчас там, как гость республики. Забавное время для короля, не правда ли, посещать другую страну, когда революция на носу в его собственной стране? Не зная много об обычаях королей, шеф, рискну заметить, что я на его месте занялся бы наведением порядка дома.

– Дипломатия, Петри, дипломатия! Их величество нашел безопасное местечко. Слухом земля полнится, что принц Как-Его-Там, сын и наследник покойной королевы Кармы, не только все еще жив, но и здравствует и в течение текущего года тайно посетил Моравию лично. Газеты пишут, что даже непреклонный старый роялист, граф Ирма, вовлечен в революцион-

---

¹ Апаша (*фр. Les Apaches*) – криминальная субкультура в Париже, столице Франции, существовавшая в конце XIX – начале XX веков. Получили свое название в честь индейцев апачей, так как якобы не уступали им в жестокости и «дикости». Апаша орудовали в основном в Бельвиле, Бастилии, Монмартре, но также и в других районах Парижа. Многие апаша были вооружены особыми револьверами «Апаш», рукоятки которых представляли собой кастеты, а под барабанами прикреплялись складные ножи. Основными видами преступлений, совершаемых апашами, были грабежи уличных прохожих, чаще всего представителей среднего класса, и погромы финансовых и развлекательных учреждений. Возраст большинства бандитов не превышал 20 лет. Для апашей было характерно наличие большого количества специальных атрибутов, по которым они могли распознать друг друга в толпе или при разговоре: особая одежда (например, красные пояса, «мятые» рубашки и желтые сапоги), выразительные жесты, особые татуировки. Банды апашей были разгромлены парижской полицией к началу 1910-х годов (*прим. переводчика*).

² Моравия, государство, существовавшее на юго-востоке Чешской республики. В 1918 году вошло в состав Чехословакии (*прим. редактора*).

ное движение и что, согласно распоряжению короля, он был арестован и заключен в тюрьму в форте Сулберга, за подготовку мятежа. Добрый старый Джонни... Надеюсь, что его не рискнут тронуть. Он был в Англии не так давно. Прибыл, чтобы проконсультироваться с Кликом по поводу потерянного жемчуга. Не хочу думать, что ему что-то угрожает. Надеюсь, он выйдет сухим из воды; но если нет... В общем, нам сейчас не до международной политики... У нас есть неуловимый серийный убийца и свора бешеных газетчиков. Ну что за черт! Почему я не знаю, где прохлаждается этот мерзкий Клик!

– Разве вы не можете найти кого-то, кто подскажет, где Клик, сэр? Какой-нибудь знакомый... кто-то, кто видел его или, возможно, получил известие от него?

– Только не надо этих песен! – хмыкнул Нэрком коротко, иронично. – Друзья! Какие друзья были у него, кроме меня? Кто знает его лучше, чем я? А что знаю о нем я? Ни-че-го! Ни его происхождения, ни его настоящего имени. Только то, что он принял решение назвать себя Гамильтоном Кликом и бороться за торжество Закона столь же же яростно и самоотверженно, как когда-то он боролся против него. И где я найду человека, который бы «видел» его, как вы предлагаете... Или знал бы его, учитывая его уникальный дар перевоплощения? Вы никогда не видели его реальное лицо – никогда за всю вашу жизнь. Я тоже никогда не видел его, даже встречаясь с ним на улице, не узнавал его, даже если смотрел ему в глаза. Но он прилетал пулей, если знал, что он нужен мне! Только где он?

Воображение никогда не было одной из сильных сторон Петри. Его разум всегда предпочитал наезженные дорожки. И сейчас он нашел подходящую колею.

– Почему бы вам не дать объявление? Поместите личное объявление в утренние газеты, сэр. Клик, несомненно, читает новости каждый день и неизбежно прочтет ваше послание. А если даже нет, до него дойдут слухи о том, что вы его ищете.

Нэрком внимательно посмотрел на Петри.

Предложение сержанта было тривиальным до пошлости, обычным, что даже не пришло в голову суперинтенданту! Связаться с Кликом через колонку для найма посудомоек и признаний в любви прыщавых подростков! Сама возмутительность этой идеи была гарантией успеха!

– Джеймс, я полагаю, что в вашей идее что-то есть! – воскликнул он. – Если даже поползут слухи... Хотя это не имеет значения, главное, чтобы он вышел на связь, чтобы узнал, что нужен мне! Звоните в «Дэйли мэйл», пока я пишу объявление. Скажите им, что это срочно, в утренний выпуск. Я передам текст им по линии сам, через минуту.

Нэрком склонился над столом, обмакнул ручку в чернильницу и принялся писать с такой поспешностью, что закончил прежде, чем Петри успел сказать в трубку:

– Да... Это Скотланд-Ярд. Оставайтесь на линии, пожалуйста... Старший офицер Нэрком хочет говорить с вами...

Просьбы Скотланд-Ярда в любом случае рассматриваются с уважением и любезностью даже чудовищами пера ежедневной прессы.

Таким образом, дело было улажено, невзирая на поздний час, и утром полдюжины газет украсились выделенным объявлением в рамке:

Клик, где вы? Срочно объявитесь. Это крайне важно.

Нэрком.

Ожидаемое случилось, а неожиданное последовало за ним по пятам...

Ежедневная пресса, публикуя полный отчет о последних дополнениях к уже длинному списку таинственных убийств, которые в течение двух недель подряд наводили ужас на общество, надрывалась от гневных криков и захлебывалась слюной, так что сама газетная бумага пожелтела от стыда.

Дневной и вечерний выпуски были еще хуже – между завтраком и обедом еще один человек пал жертвой таинственного убийцы, и газеты раздували панику, разносили ее из конца в конец Лондона.

*Система уголовной полиции страны сгнила на корню!
Правительство должно немедленно вмешаться!
Это национальный позор, когда самый передовой город цивилизованного
мира вынужден трястись от страха, а убийца гуляет на свободе! Может ли
быть что-то ужаснее?*

Как оказалось – могло!

Вечерние выпуски газет сообщили об этом раньше, чем об этом узнал сам Скотланд-Ярд. Это было напечатано огромными буквами на первой полосе всех центральных газет:

**ЛОНДОН ВО ВЛАСТИ УЖАСА
КРОВАВОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ НА КЛАРДЖЕС-СТРИТ
ЗЛОДЕИ ПЕРЕШЛИ К ДИНАМИТУ!**

Кларджес-стрит!

Старая улица тех «волшебных» прежних времен Клика, времен тайны Красного Лимузина и других успешно раскрытых зловещих тайн!

Нэрком схватил вечернюю сводку происшествий по городу и начал читать, затаив дыхание.

Это был обычный зашифрованный отчет штаб-квартиры, и расшифровка гласила:

16:28

*Попытка теракта, предпринята неизвестными лицами. Взорван дом на
Кларджес-стрит, Пикадилли. Есть жертвы. Три человека получили ранения.
Двое убиты. Никаких следов злоумышленников. Квартиросъемщики – семья из
Эссекса. Въехали два дня назад. Дом в течение многих месяцев ранее пустовал.
Ранее был занят отставным моряком, капитаном Горацио Бербэджем,
который...*

Нэрком не стал читать дальше. Он отбросил отчет в сторону и рухнул в кресло, не то плача, не то смеясь.

– Теперь я знаю, почему он смылся! Старый добрый Клик! Запуганный старый Клик! – бормотал он. Внезапно он остановился, как будто некто невидимый схватил его за горло, но уже в следующий миг вскочил на ноги и начал мерить шагами комнату. Его лицо побагровело. Если бы он выражал свои мысли вслух, то они звучали бы так:

«Это дело рук команды Марго, конечно же. И Клик, должно быть, предположил, что они планируют что-то вроде этого. Если бы он остановился там, после Серебряного дела... или молодчики Марго, или моравийцы его без сомнения достали бы. И те, и другие висели у Клика на хвосте постоянно. Интересно, почему? Что за чертовщина, если подумать, могла заставить премьер-министра Моравии заинтересоваться делами бывшего взломщика? Боже! А ведь порой дела Марго затрагивают интересы высшего общества! Премьер-министр Моравии! И тому пришлось наплевать на пятнадцать лет, потраченных на то, чтобы поймать Марго и позволить ей ускользнуть! Выиграть и... упустить ее, ради того, чтобы попытаться поймать одного бывшего преступника. Интересно, когда и как Клик успел нажать себе врага в ее лице? Или он просто заметал следы, обеспокоенный тем, чтобы о нем ничего не узнал никто из его криминального прошлого? Хитрый Клик опять обыграл всех... Но теперь он может спокойно заняться таинственным убийцей, терроризирующим Лондон, теперь, когда это дело на Кларджес-стрит закончено! Старый добрый Клик! Он опять обыграл всех! Возвращайся же, чертяка! Когда же ты выйдешь из подполья, старина, и к нам вернутся старые добрые времена?»

Взгляд офицера упал на телефон. Он замер, прекратив ходить из угла в угол, и на лице его появилась довольная улыбка.

– Сейчас ты зазвонишь, дружок, – оптимистично сказал он, обращаясь к телефону. – Я знаю Клика, он не станет медлить! Теперь он примчится пулей. Я скоро услышу его, Джеймс! Несомненно.

И надо сказать, его оптимистические ожидания блестяще оправдались. Но совсем не так, как он ожидал...

БЫЛА УЖЕ ПОЛОВИНА восьмого, когда в дверь кабинета суперинтенданта постучали, затем она открылась, и в кабинет заглянул секретарь.

– Человек, желающий говорить с вами, сэр, конфиденциально, – объявил он. – Говорит, что он по объявлению в утренней газете.

– Пустите его! Давайте его сюда немедленно! – взволнованно воскликнул Нэрком. – Давайте его сюда; и не впускайте никого больше, пока я не освобожусь.

Затем, как только швейцар вышел, полицейский пересек комнату, задернул тяжелые шторы, включил электрическое освещение, приставил к своему столу еще одно вращающееся кресло, покрасневшись, выдвинул ящик стола и достал коробку с любимыми папиросами Клика, которая ждала своего часа в течение многих недель.

Дверь кабинета стремительно открылась и вновь захлопнулась, прежде чем крышка коробки успела открыться, и в кабинет скользнул помощник Клика – Доллопс.

– Привет!.. Он прислал тебя, мартышка? – весело спросил Нэрком, увидев мальчишку. – Я знал, что я услышу о нем сегодня, знал! Он послал тебя ко мне? Он приедет сам или хочет, чтобы я приехал к нему? Ну, говори же, и... Господи! Что с тобой? Что случилось? Что-то не так?

Лицо Доллопса помрачнело, глаза мальчишки наполнило безнадежное отчаяние.

– Сэр... – он шагнул навстречу Нэркому и начал тараторить, словно запыхавшийся бегун: – Сэр, это не правда? Это ведь розыгрыш, шутка, хитрый план, и сейчас вы скажете мне, что пошутили? Вы же не хотите сказать, что это правда, сэр, не так ли? Неужели вы тоже не знаете?

– Не знаю? Не знаю что?

– Где он... Что с ним? Господин Клик, мой хозяин, сэр. Я решил, что вы должны знать, раз разместили это объявление... Потому я и пришел, сэр... Я бы не пришел, но увидел это объявление и забеспокоился... Неужели вы хотите сказать, что не знаете, где он, и даже не видели его?

– Нет, не видел. Господи! Разве ты не знаешь, где он сейчас?

– Нет, сэр. Я не видел его ни разу, ни единым глазом, с тех пор как он отослал меня к морю, полгода назад. Все, что он сказал мне, когда мы расставались, когда я уезжал, было то, что мисс Лорни ненадолго уедет в Индию, к капитану и госпоже Оксли – леди Чепстоу, что он какое-то время перекантуется один, и я не должен волноваться. С того часа я не видал его ни разу, сэр.

– И не получал известий от него? – спросил Нэрком мрачным тоном, сжав рукой спинку кресла, на которую опирался.

– Да, сэр. Были письма, а то я сбежал бы оттуда, если бы я не получал их. Или скорее две записки. Первая с распоряжениями и приказами, что мне делать на новом месте, он прислал мне ее из-за Канала четыре недели назад. Вторая, в прошлую пятницу, сэр, когда он написал мне то, из-за чего я места себе не нахожу, с тех пор как я услышал в Чаринг-Кросс о взрыве на Кларджес-стрит, сэр.

– И что было в той, второй, записке?

– Да ведь, сэр, он написал, что будет там. Он вспомнил о бумагах, которые оставил, а точнее, забыл в своем старом логове, и написал, что заберет ключ и побывает в старом доме Кларджес-стрит по пути домой. Сообщил, что прибудет в Англию или вчера во второй половине дня, или сегодня, сэр. Он обещал мне телеграфировать из Дувра, сразу как прибудет туда. И он не сделал этого! Не знаю, жив ли он!

– Боже! – Нэрком вскочил, словно ужаленный, с побледневшим лицом, искаженным в приступе паники.

– Он никогда не делал так раньше, клянусь! – залопотал Доллопс в ужасе. – У меня никогда не было счастья в жизни, а теперь вот этот ужас. Он, без сомнения, отправился туда, и если он был там...

Если Доллопс и хотел сказать больше, резкий сигнал звонка не дал ему этого сделать. Нэрком нажимал на кнопку с остервенением. Грозный звон наполнил коридоры. И в ответ на звонок в коридорах загрохотали сапоги.

И вот уже Леннард, шофер, возник на пороге, словно чертик из коробочки.

– Подайте лимузин... Быстро! К месту взрыва на Кларджес-стрит сначала, а если тела жертв уже увезли, то в морг без задержки, – приказал Нэрком.

Он заскочил в гардероб, схватил шляпу и пальто и помчался из кабинета, словно спасаясь от пожара.

– Быстрее! – крикнул он Доллопсу, ураганом вырвавшись в коридор.

– Если он был в доме! Если они заполучили его после всего... Быстрее! Быстрее!

Доллопс мчался следом. Две минуты спустя красный лимузин вылетел на шоссе и принялся пожирать расстояние между Скотланд-Ярдом и Кларджес-стрит, поглощая по миле в минуту.

ПРИБЫВ НА МЕСТО происшествия, они выяснили, что останки – буквально «останки», так как несчастных разорвало на кусочки, – были, действительно, отправлены в морг. Нэрком и Доллопс поспешили туда, почти не в силах скрыть волнение. Останки обоих мужчин были страшно искалечены, опознание по лицам казалось решительно невозможным. Вся надежда была на Доллопса, который мог знать какие-нибудь отличительные признаки, особые приметы Клика. Поэтому Нэрком ощутил постыдную радость, неуместную в этой обители смерти, когда молодой человек заявил:

– Сэр, независимо от того, что случилось с Кликом, слава богу, его здесь нет!

– Значит, они до него не добрались! – воскликнул Нэрком, впервые за несколько часов улыбнувшись. – Однако нет никаких сомнений в том, что преступники стремились прикончить его, а люди, которые пострадали, погибли, в сущности, совершенно случайно, войдя в заминированный дом. Несомненно, человек или люди, которые подложили или бросили бомбу, знали Клика и то, что он жил там, как капитан Бербэдж. Марго знала об этом, знала, что дом все еще занят, но не знала, что Клик уехал!

– Марго!

Это имя вытащило на белый свет потаенные страхи Доллопса. Он обернулся к Нэркому, который стоял, нервно теребя свой рукав.

– И логово Марго в Париже... Сэр, разве я не сказал вам, черт меня побери, что Клик писал мне именно из Парижа?

– Что! Из Парижа?

– Да, сэр. Он не сказал, откуда именно, из какой части города. Не знаю, но он был там, так или иначе... Послушайте меня, сэр. Они все там – моравийцы и Марго. Вы знаете, что у обеих шаяк есть свой зуб на него. Я не знаю, знают ли моравийцы про него, сэр... Он же никогда ничего лишнего никому не говорит. Я не исключение, но, вероятно, обе шайки гоняются за ним, с тех пор как он отправился за пропавшим жемчугом!.. Боже! – голос юноши поднялся

почти до визга. – Если одна шайка не смогла его достать, это может получиться у другой, и... сэр... апаша уже в Лондоне, я видел их сегодня вечером... Я уверен!.. Я видел их.

– Видел их? Когда? Где?

– На вокзале Чаринг-Кросс, сэр, перед тем как пошел к вам, прикиньте! Поскольку у меня не было телеграммы от Клика, я начал нервничать, поперся на вокзал, на удачу, надеясь встретить его с поезда. И там я видел, как они, апаша, сэр, шлепаются вокруг платформы, с которой отходит девятичасовой поезд на Дувр. Я сразу их узнал по походке, по шмоткам, по прическам. Переговариваясь и смеясь, они так и зыркали глазами, как будто ждали кого-то, и они собирались к себе, на материк, потому что билеты на пароход у них были воткнуты за ленты шляп. Один из них купил газету, увидел в ней что-то и давай пальцем тыкать. Остальные подбежали... Смотрят... Рожи у всех, как у котов, которые сметаны объелись. Я выждал минуту и тоже газету купил, глянуть, на что они так возбудились. Сэр, это было ваше объявление для Клика. Я тут же побежал ловить такси, поехал к вам, сэр, и тут как раз мимо меня бежит газетчик и орет о взрыве; а потом, сэр, у меня крыша поехала...

ОНИ СТОЯЛИ НА тротуаре, возле лимузина, когда мальчишка произнес последние слова. Тут Нэрком, не теряя ни секунды, кинулся к машине, приказав водителю:

– На вокзал Чаринг-Кросс, с такой скоростью, до какой можно разогнать этот драндулет! Последний поезд к ночному рейсу парохода уезжает около девяти. Нам надо успеть, даже если машина развалится ко всем чертям! – чуть ли не кричал он.

– Будет сделано! Полторы минуты! – отозвался Леннард, бросив взгляд на циферблат часов на панели управления. И едва пассажиры взгромодились в машину, он завел мотор, отжал сцепление, а затем рванул вперед, дав «полный газ».

Но даже лучший из двигателей не может сделать невозможное возможным. Ворота на перрон оказались закрыты, сигнал семафора вниз, поезд уже отходил, когда они добрались до станции, и даже мандат суперинтенданта не мог остановить поезд.

– Много у нас бензина? – Нэрком обернулся к Леннарду.

– Много, сэр.

– Хорошо... Идем на обгон! Судно выходит из Дувра в одиннадцать. Я должен успеть. Ясно?

– Да, сэр. Но вы можете телеграфировать и задержать отправление судна.

– Ни в коем случае! Корабль должен отплыть вовремя. Я должен подняться на борт, не будучи замеченным, без сопровождения, не вызывая подозрений. Обгоните этот поезд... Вы слышите меня? Быстрее! Я хочу добраться туда и подняться на борт, на судно, прежде, чем те, кому я сажусь на хвост. Вы хотите знать, зачем все это? Если так, сообщая: господин Клик в Париже, и он в опасности!

– Господин Клик в опасности? Господи! Едем же быстрее, сэр, летим! Мы обгоним этот поезд, даже если я снесу машиной весь порт! Просто позвольте мне добраться до шоссе, и я покажу вам «Формулу-1»!

И он показал... Едва город остался у них за спиной, водитель надел защитные очки, нагнул на глаза кепку и склонился к рулю.

– Ради Клика... пожалуйста... – шепнул он автомобилю, как будто это был человек. – Не подведи, машинка! Давай! Вперед! Быстрее, лисичка! Быстрее!

С диким ревом и грохотом автомобиль рванулся вперед, как будто все бури вселенной вселились под капот, и дикая гонка к побережью началась.

– Пригнись. Уцепись за что-нибудь подходящее и пригнись, – приказал полицейский Доллопсу. – Мы не можем рисковать тем, что кто-нибудь узнает в тебе парня, который сегодня вечером болтался вокруг станции. Бог знает куда нас выведет этот путь, но если он приведет к Клику, я готов мчаться на край и за край света! – Затем, перекрикивая рев мотора, он закричал

водителю: – Быстрее, Леннард, быстрее! Жми на полный! Давай! Мы должны обогнать этот поезд!

Они обогнали поезд. Свет фар локомотива даже еще не показался вдали, когда яркий отблеск луны на водах Канала вспыхнул в темноте перед ними. Еще не было слышно ни звука приближающегося поезда, когда несколько минут спустя лимузин повернул вниз по склону и остановился в двух шагах от входа на причал, возле которого темная масса парохода мерно качалась на волнах.

– Славная машинка, не правда ли, сэр, – сказал Леннард, посмеиваясь, открывая дверь Нэркома и помогая ему выйти. – Но дальше лучше пешком. Там, рядом с трапом, стоит парень, и он, кажется, интересуется нами, пялится на нас, как баран. Выпрыгнул как чертик из табакерки и спустился по трапу, как только услышал, что мы приближаемся. Лучше дойти пешком, сэр, и сделайте вид, что платите мне, как будто я общественное такси. Что мне делать? Остановиться здесь до утра?

– Да. Поставьте машину в муниципальный гараж; и если я не вернусь на первом пароходе, вернитесь в город. И пусть кто-нибудь доложит в Скотланд-Ярд. Сообщит им, куда я уехал. Давай, Доллопс, идем!

Мгновение спустя лимузин скрылся в темноте и исчез, а парочка англичан, направившихся на выходные в Европу, спустилась по длинному пирсу между мерцающими фонарями к пароходу. Но задолго до того, как они добрались до судна, фигура на трапе – высокий человек с выправкой профессионального военного – покинула свой пост, как будто, когда они приблизились, свет позволил ему увидеть, кем они были, он потерял всякий интерес к ним и их действиям. Нэрком бросил на незнакомца взгляд краем глаза, когда они поднялись по трапу, поднялись на борт судна, и краткого взгляда оказалось достаточно, чтобы убедить сыщика в двух вещах: во-первых, этот человек был не только поразительно красив, но и был окружен своего рода аурой воспитанности, которая говорила о культуре, происхождении и положении в обществе; во-вторых, он был иностранцем со светлыми волосами и слегка сторбленным носом, что было характерно для моравийцев.

Вместе с Доллопсом Нэрком пробрался на корму, нависшую над темной, спокойной водой, туда, где свет был не слишком ярким, и примостился там, внимательно наблюдая происходящее на палубе.

Французский матрос проходил мимо. Нэрком остановил морячка.

– Скажи мне, – заговорил он, сунув шиллинг в руку парня, – ты случайно не знаешь, кто этот джентльмен, стоящий на пирсе?

– Да, мсье. Он приятель его величества короля Моравии Ульрика. Он часто встречался с нами во время пребывания его величества в Париже.

– Что за чертовщина, сэр, – неожиданно прошептал Доллопс, нервно вцепившись в рукав полицейского, когда моряк, коснувшись кепки указательным пальцем, пошел дальше по своим делам. – Апаши с одной стороны и эти моравийцы с другой! Я говорю вам, что они почему-то работают рука об руку – работают против него!

Нэрком поднял руку, призывая к молчанию, и повернулся, чтобы уйти туда, где меньше шансов быть услышанным; потому что как раз в этот момент послышались голоса с самого неожиданного направления – с открытого моря. До сих пор не замеченная рыбацкая лодка подошла к пирсу.

– Вуаля, мсье, – сказал по-французски человек, который плыл в ней. – Разве я не сдержал свое слово и не обеспечил вашему превосходительству безопасность и скорость?

– Да, – согласился пассажир, к которому обратился рыбак. Он говорил на прекрасном французском языке, с мягкостью представителя высшего класса. – Вы действительно преуспели. Лучше, чем ждать в Кале утреннего рейса. Теперь я могу успеть на самый первый поезд в Лондон. Вы заработали свои деньги. Прощайте!

Затем послышался звук, словно кто-то покинул лодку и полез по трапу, а затем стук колес и свист пара приближающегося поезда. Нэрком, оглянувшись, увидел, что на вершине пирса появляется неуклюжий, плохо одетый парень, внешность которого отчетливо контрастировала с его голосом и манерой речи. Цвет его лица был желтоватым, а спутанные волосы, казалось, не знали стрижки годами; турецкая феска, грязная и полинявшая, болталась на его голове, а на руке висели несколько отрезков шелка и парчи и блестящие безделушки, выдававшие в нем бродячего торговца восточными тканями.

Этого было достаточно, чтобы Нэрком отвернулся, не думая об этом парне, но случилось нечто странное. Отойдя к тропинке, ведущей от пирса к городу, коробейник внезапно заметил мужчину, стоящего на трапе. Он резко остановился, оглянулся, чтобы убедиться, что никто не наблюдает за ним, затем, без лишних слов, внезапно повернулся на каблуках, сразу же направившись к трапу, и сел на судно. Моравиец не обратил ни малейшего внимания на него, он – на моравийца. После того, как поезд прибыл, Нэрком подумал, что знает, почему. Полицейский был озадачен, пытаясь понять, зачем этот грязный восточный торговец, перебравшись через Канал в рыбацкой лодке, сделал это только для того, чтобы вернуться пакетботом в Кале.

К этому времени поезд прибыл, на пристань высыпала толпа. Носильщики бежали туда-сюда с багажом, и повсюду царили суета и растерянность.

Нэрком задумчиво наблюдал за трапом. Моравиец все еще был там, как и прежде, настойчиво наблюдал за толпой цепким взглядом.

Толпа ринулась к трапу, таща в руках мешки и узлы, люди смеялись, толкались, болтали по-французски.

– Вот они, апаши! – шепотом сообщил Доллопс. – Вот они все, сэр. Следите за ними, когда они окажутся на борту, хозяин будет где-то рядом, и если они найдут его, хана! Не дай бог!

Апаши, кучками по два-три человека, взбирались на борт, не обращая внимания на восточного торговца. Вдруг он шмыгнул в их толпу и тут же растворился в ней.

– Джеймс! Происходит что-то странное! – пробормотал Нэрком, наблюдая за происходящим. – Если во время плавания моравиец заговорит с одним человеком из множества...

Он остановился, затаил дыхание и оставил остальную часть предложения недосказанной. Внезапно на пирсе появился маленький щеголеватый французский денди с пушистыми усами, скользящей походкой, с цветком в петлице и сверкающим щегольским «топ-пером» на голове. Нэрком с изумлением вспомнил, что он видел, как этот оживший манекен из магазина мужской моды проходил мимо Скотланд-Ярда дважды за последний день!

Модник между тем поднялся на борт, проплыв по трапу, точно по подиуму. Там все еще стоял моравиец, глядя на толпу и обращая на него внимания не больше, чем на кого-либо еще. Но с исчезновением этого изысканного франта, которому он не уделил внимания, его бдительность и интерес куда-то исчезли; из зоркого стража моравиец превратился в праздного зеваку, гуляющего по палубе, пялясь на матросов. Когда раздался крик «Все провожающие – на берег!», он все еще бездельничал. Корабль отвалил от причала и, рассекая воды Канала, устремился во Францию, в Кале.

Ветер, незаметный в безопасном укрытии гавани, неистово играл волнами, обрушивая на палубы и такелаж облака брызг, и те пассажиры, которые не собирались укрываться в каютах и курительном салоне, столпились на корме.

– Идем! – прошептал Нэрком, хлопнув Доллопса по руке. – Мы не можем ни говорить, ни наблюдать в этой толпе. Лучше пойдем поищем уединения и покоя. Лучше одиночество, чем столпотворение. Пойдемте!

Мальчик повиновался, без возражений следуя за старшим товарищем по мокрой палубе, под нагромождениями намокшего такелажа, пока Нэрком не нашел убежище в тени, отбрасываемой спасательной шлюпкой, покрытой брезентом. Из этого безопасного укрытия они могли,

вытянув шею, наблюдать за происходящим в курительном салоне через открытую дверь. И там сразу обнаружилось нечто интересное, потому что модный «месье» был там, выкуривая сигарету за сигаретой и потягивая время от времени абсент, который стоял на маленьком круглом столике у его локтя. Но ни моравийцев, ни апашей, ни восточного коробейника не было видно.

– Что ты думаешь об этом? – спросил Нэрком, когда через час неясные очертания французского побережья проступили на фоне чистого серебра залитого лунным светом неба. – Где наши друзья-апаши? Где коробейник?

– Путешествуют вторым классом, – уверенно объявил Доллопс, вылезая из-под шлюпки. Он осмотрел судно и снова забрался в свое укрытие. – Коробейник с ними, сэр. Делает вид, что впаривает им шмотки. Он один из них; а если к ним присоединится еще и тот француз, или этот моравиец... не удивлюсь! Сидим тихо, держим ухо востро! Тут что-то начинается!

Внезапно моравиец появился на мокрой и блестящей прогулочной палубе и, насвистывая, прошествовал мимо открытой двери курилки.

«Месье» незаметно кивнул головой, услышав его мелодию. Он допил свой абсент, бросил сигарету и не спеша вышел на палубу. Моравиец был в конце прогулочной палубы – одного взгляда хватило, чтобы выяснить это. «Месье» решительно посмотрел в сторону лебедек и побрел вразвалочку, пока не добрался до самого конца крытой палубы, где изогнутая передняя часть рубки смотрела на промытую брызгами переднюю палубу, затем остановился, прислонился спиной к ней и замер, ожидая, на расстоянии десяти футов от укрытия Нэркома и Доллопса.

Минуту спустя моравиец, продолжая, по всей видимости, свою одинокую прогулку, приблизился к нему.

А потом понеслось!

«Месье» заговорил, осторожно, но четко выговаривая слова, не оставляя места для сомнений:

– Mop ami, дело сделано, – сообщил он странно звонким и высоким голосом. – Вы должны сообщить об этом министрам его величества. Вуаля, дело сделано!

– Дело не сделано! – ответил моравиец быстрым, резким, решительным шепотом. – Вы спешите с выводами и выдаете желаемое за действительное. Вот! Это вечерняя газета. Все оказалось бесполезно... Его там не было!

– Не было! Боже!

– Ш-ш-ш! Тише. Увидимся, когда причалим. Не здесь...Здесь слишком опасно. До свидания!

Затем они двинулись в разные стороны, моравиец продолжил свою неспешную прогулку, а «модник», сжимая газету, быстрым шагом вернулся в курилку.

Но теперь Нэрком и Доллопс опознали эту загадочную личность!

– Боже! Это женщина! – пробормотал Доллопс дрожащим голосом.

– Нет, не женщина – сам дьявол! – процедил Нэрком сквозь зубы. – Марго, Джеймс! Марго, собственной персоной! И кто он ей? Кто такой Клик, если король должен заключить договор с женщиной, чтобы убить его? Марго, черт ее побери! Что ж, теперь я возьму тебя, моя леди!

– Сэр, куда вы?

– К радисту, отправить сообщение начальнику полиции Кале, чтобы он встретил меня по прибытии! – ответил Нэрком. – Сиди здесь. Тихо! Подожди меня. Мы причалим через десять минут. У меня будет эта Иезавель и ее единомышленники, и я разберусь с исчезновением Клика, вырву его из их когтей, даже если мне придется перевернуть вверх дном всю Францию, чтобы сделать это.

– Господь да благословит вас, сэра, и простите меня! – пробормотал Доллопс с комком в горле и туманом в глазах. – Я часто говорил, что вы тормоз и размазня, сэра, но это не так – вы настоящий мужчина!

Но последних слов Нэрком не слышал. Он быстрым шагом направился в радиорубку. В следующий миг он вошел, закрыл за собой дверь, и Закон на море обратился за помощью к Закону на берегу через прозрачно-синий эфир и лунные волны.

ПЕРЕГОВОРЫ ЗАНЯЛИ МИНУТ десять. Сообщение прошло, и Нэрком вернулся в тень спасательной шляпки, рядом с лебедками. Огни пирса Кале светились желтым в синесеребряной темноте. На палубе внизу люди сустились и пробирались к месту, где с палубы на пирс будет перекинут трап. На набережной сотрудники таможи готовились к предстоящему досмотру, носильщики носились в своих синих робах и фуражках, а вдалеке сквозь сумрак проступали темные очертания Кале...

А на верхней палубе вновь встретились в уединении лунной ночи моравиец и Марго, и разговор их был великолепно слышен из-под шляпки, где скрывались Нэрком и Доллопс.

– Итак, вы прочитали объявление: вы понимаете, что все это было бесполезно? – начал моравиец, обращаясь к преступнице, прикинувшейся модником, нервно сжимавшей в руке смятую газету. – Кошелек его величества не может расщедриться всей обещанной суммой за бессмысленную суматоху и глупый фейерверк. Говорите быстро; где мы можем поговорить в безопасности? Я не могу рисковать и торчать здесь, и я не буду рисковать в поезде. Должны ли мы подождать, пока не достигнем Парижа, мадемуазель? Или у вас здесь есть логово?

– У меня есть «логова», как вы их называете, в половине городов Франции, месье ле Конте, – ответила она со злобной ноткой обиды в голосе. – И я не работаю даром. Кто угодно, только не я! Я взяла гонорар за свою приверженность премьер-министру его величества и намереваюсь получить гонорар за свои услуги самому величеству, хотя у меня пока не получилось довести дело до конца. Этот вопрос должен быть решен раз и навсегда...

– Я догадывался, что так и будет, – ответил ле Конте, пожав плечами. – Где тогда переговорим? Решайте быстро. Они причаливают, и никто не должен видеть, что мы разговариваем, после того как мы сойдем на берег. Где тогда встречаемся?

– В гостинице «У семи грешников» – на набережной д'Лорма, вдали от порта. Любой извозчик доставит вас туда.

– Это безопасно?

– Все мои «логова» безопасны, месье. Эта гостиница нависает над водой. Если приходят незнакомцы, есть лаз. Один путь – в город и канализацию и в сорок других гостиниц. Другой – на моторную лодку, всегда готовую отплыть. Вы можете выбирать, если потребуется. Вы не найдете это место закрытым – мои «логова» никогда не закрываются. Пароль? Там нет никого, кроме людей братства, и пароль вам не понадобится. Вы помните старую Маризу из «Витой руки» в Париже? Она сейчас служит в «Семи грешниках». Я повысила мадам Серпис до «Витой руки». Маркиза узнает тебя. Скажите ей, что я скоро приеду. Она и ее товарищи будут рады вам, и... Ла! Ла! Трап скинули. Они зовут всех на берег. Приходите, и мои люди проводят вас ко мне. До свидания.

– Au revoir, – повторил он и, скользнув, направился на берег.

Она подождала, чтобы он отошел, чтобы никто не мог связать их друг с другом, потом обернулась, пошла за ним и вышла на пирс, где ее команда уже собиралась. Когда и как она передала им свое распоряжение, что сегодня вечером они направляются не в Париж, а в гостиницу «У семи грешников», ни Нэрком, ни Доллопс, севшие ей на хвост, не смогли понять, потому что она, казалось, ни с кем не разговаривала.

– Никакой гостиницы «У семи грешников» для вас сегодня вечером, моя дорогая, если мой друг мсье Дюкруза должным образом отнесся к моей радиোগрамме, – пробормотал Нэрком,

следуя за ней. – Смотри, Доллопс, и если увидишь сержанта де Виля, дай мне знать. У них нет багажа, и, кроме того, они – местные, поэтому пройдут таможеню в один миг... А вот и этот странный торговец... И без фески и драпировки, черт! Через таможеню проскочил как пуля! И другие тоже. И она после них – она, Джеймс! Боже! Где Дюкруа и его люди? Почему они не здесь?

Английский сыщик озибался в поисках французской полиции.

– Я ничего не могу сделать без него здесь, на чужой земле. Почему, во имя небес, его нет?

– Может быть, у него не было времени, начальник, может быть, его не было на месте, когда пришло сообщение, – рискнул вставить слово Доллопс. – С тех пор, как сообщение было отправлено, не прошло и пятнадцати минут. Так что если...

– Вот и она! Идет! Проскочила таможеню, взглядом не моргнув, вот ведь Иезавель! – с невольным восхищением и досадой воскликнул Нэрком, увидев, как Марго проскочила через пункт досмотра на улицы города.

– Господи! Она опять уйдет...

– Она не уйдет! – заверил Доллопс, надвинув на глаза шляпу и поднимая воротник. – Подождите здесь, пока не придут копы. Я пойду за ней и посмотрю, куда она пойдет. Вроде как копы знают то место, спросите их об этом, а если не знают, я вернусь и отведу их.

Затем юноша поспешно шагнул в толпу, миновал инспектора и исчез в мгновение ока.

В течение десяти напряженных минут после того как юноша прошел таможеню и ускользнул в город Нэрком не находил себе места, мечась, точно тигр в клетке, прежде чем тихое позвякивание сабель в ножнах прозвучало чудесной музыкой, и, оглянувшись, британский детектив увидел, как господин Дюкруа входит на пирс во главе отряда полиции. Англичанин поспешил навстречу французскому коллеге.

– Десять миллионов извинений, мсье; но я отсутствовал, когда было принято сообщение от вас! – воскликнул Дюкруа на ломаном английском. – Я пришел и привел своих людей, как только получил его. Мсье, кто этот великий преступник, которого вы требуете арестовать? Он здесь?

– Нет, уже нет. Минутку, Дюкруа. Вы знаете место под названием «У семи грешников»?

– Конечно! Это всего лишь в двух шагах от берега, на набережной.

– Тогда пойдете со мной туда. Я сделаю вас самым популярным человеком во Франции, Дюкруа. Я передам в ваши руки эту ведьму из преисподней, Марго, королеву апашей!

Лицо Дюкруа расплылось в широкой улыбке.

– Мсье! – воскликнул он. – Эта женщина!.. Вы можете помочь мне арестовать эту женщину? Вы знаете ее? Вы сможете узнать ее? Но да, я ее помню! Однажды вы изловили это исчадие ада в своей стране, но она обманула вас, как и всех остальных!

– Она не ускользнет от вас, если действовать быстро! Награда и слава будут ваши. Я следовал за ней через Канал, Дюкруа. Я знаю, где ее можно найти наверняка. Она в гостинице «У семи грешников». Просто отведите меня туда, и я передам Иезавель в ваши руки.

Дюкруа не нуждался в уговорах. Перспектива арестовать легендарную преступницу вскружила полицейскому голову, он был вне себя от восторга. Парой десятков слов он сообщил эту славную новость своим людям, доведя их до восторженного безумия, в каком и сам пребывал. Затем с резким «Вперед, мсье!» он повернулся на каблуках, и отряд зашагал к новой цели. На полпути по узкой, чернильно-черной улице, ведущей к гостинице, они столкнулись с Доллопсом, мчавшимся им навстречу.

– Давайте, начальник, давайте, быстрее! – вскрикнул он, запыхавшись. – Она там... Они все там, веселятся и надираются до пороссячьего визга, сэр, поют, танцуют, как сумасшедшие. И, сэр, он тоже там – тот коробейник! Я видел, как он подошел и присоединился к остальным. Давайте! Возьмем их тепленькими.

Если они просто бежали раньше, то теперь они почти летели. Мысль о том, что Марго, великая и ужасная Марго, королева преступного мира, была в пределах их досягаемости, подгоняла каждого, заставляя превзойти себя. Так что прошла только минута или две, когда они увидели гостиницу и подступили к ней грозной фалангой. А потом, именно тогда, когда еще одна минута могла бы все решить, Удача решила показать им кукиш.

Совершенно случайно апаш, выходявший из гостиницы по своим делам, поднял голову и увидел их, развернулся и что-то крикнул. Внезапно в ночь ворвался торнадо музыки, смеха, пения и танцевальных мелодий, и когда они ворвались в дверной проем, парень торчал там, безмятежно куря, а внутри грохотала музыка и стояли облака табачного дыма.

В мгновение ока торчавший в дверях апаш был отброшен, дверь распахнулась, маленький решетчатый барьер за ней был отброшен в сторону, и полиция ворвалась в танцзал неудержимой лавиной.

Когда они появились, музыка прервалась, танцоры закричали, словно в панике, и раздался грозный рык Дюкруа:

– Стоять на месте во имя закона!

Толстая женщина за стойкой взмахнула руками и заголосила:

– Пресвятая Дева! За что, мсье, за что? Не грех смеяться и танцевать. Мы не нарушаем закон, мои клиенты и я. Что мы такого сделали, чтобы вы накинулись на нас вот так?

Ах, что, на самом деле? Ничего. Толпа танцоров и гуляк, и никаких следов Марго и моравийца.

– Мсье! – начал Дюкруа, обращаясь к Нэркому, метавшемуся в поисках хотя бы каких-нибудь следов. – Мсье, это было ошибкой?

Нэрком не ответил. Внезапно, однако, он вспомнил, что было сказано о потайном ходе, и, оттолкнув группу девушек, обнаружил в середине пола хорошо замаскированный люк.

– Вот оно, вот как она вышла! – крикнул он. – Заперто, Джеймс! Болт с нижней стороны! Иезавель выскочила в эту нору!

Дюкруа и Доллопс помогали ему, и они тянули, и тянули, и тянули, и тянули, они не могли сдвинуть крышку с места ни на один дюйм.

– Мсье, нет – какое безумие! Лаз? Нет, он вовсе не лаз! Это всего лишь квадрат, где пол был поврежден, отремонтирован и зачищен! Пресвятая Дева Скорбящая, это так!

Тут неожиданное открытие заставило Нэркома отвлечься от возни с люком. В углу лежал человек, изображавший мертвецки пьяного. Это был тот самый торговец, что приплыл в Англию на рыбацкой лодке, но тут же отправился обратно. Детектив набросился на «алкоголика», прежде чем тот смог пошевелиться.

– Вот, по крайней мере, один из них! – закричал он и принялся трясти его изо всех сил. – Вот один из приятелей Марго, Дюкруа. В конце концов вы не уйдете с пустыми руками.

Крик ужаса раздался в зале, когда он увидел лицо мужчины. Очевидно, они были мастерами актерского искусства, эти апаша, потому что можно было поклясться, что каждый мужчина и каждая женщина в зале были поражены присутствием на их вечеринке этого отброса общества.

– Матерь божия! Кто этот оборванец? – воскликнула Мариза. – Господа, я его не знаю. Я не видела его ни разу до этого мига! А ну, говори! Кто ты такой, что ты приходишь вот так и портишь репутацию благочестивой и солидной вдове, пес? А?

Мужчина сделал движение сначала к ушам, затем ко рту, затем начал делать движения на языке жестов, но не произнес ни слова.

– Ла, ла! Он глухонемой, мсье, – сказал Дюкруа. – Он не слышит и не говорит, несчастный.

– Давно ли? – с мрачной иронией в голосе спросил Нэрком. – Он говорил достаточно хорошо пару часов назад, клянусь. Мой молодой друг и я слышали, как он беседовал, распла-

чиваясь с рыбаком, который привез его в Дувр, незадолго до того, как он пробрался на борт пакетбота, чтобы вернуться с Марго и моравийцем назад во Францию. Станный поступок...

Глаза апашей усталились на лицо человека с внезапным острым интересом, который могли понять только они; но он все еще стоял, качая своей большой головой, пьяно или идиотски, и указывая на уши и рот.

– Задержите его! – приказал Нэрком, отдавая его в руки крепкого сержанта де Виля. – Я предстану перед судьей и предъявлю ему обвинение утром, и все прояснится. Он из этой кровавой банды! Только, молю, не упустите его! Боже! Опять упустили эту женщину! Потеряли ее в конце концов!

Это был болезненный удар, конечно, но ничего не оставалось, как улыбаться. Искать Марго в любой из ее гостиниц или охотиться в ночных водах за ее моторной лодкой было бы верхом глупости. Удрученный Нэрком решил пойти ночевать в ближайший отель; дождавшись, пока арестованного уведут, полицейский взял Доллопса за руку и поплелся своим путем.

УТРОМ ОН ВЫПОЛНИЛ свое обещание; и задолго до прибытия судьи и даже до того, как ночной урожай арестантов был доставлен из тюрьмы и брошен в три маленьких камеры суда, он был на месте с Доллопсом и Дюкруа, с удивлением наблюдая, как группы злобных парней из племени апашей толпятся вокруг здания. Позже другие из той же породы проскользнули и заняли места в маленьком зале суда и постоянно шептались друг с другом, пока ждали начала утреннего заседания.

– Смотрите, начальник, вы только посмотрите на них – в этом благословенном месте собрались настоящие громилы, – прошептал Доллопс. – Как вы думаете, это не опасно? Не собираются ли они освободить нашего коробейника? Двадцать молодчиков еще ждут за дверью...

Нэрком не ответил. Судья прибыл, заседание началось.

Сначала началось разбирательство по всем тривиальным делам – ночная жизнь и ее прелести: пьяницы и беспорядки, бродяги и парии. Одного за другим их приводили, взыскивали штрафы и выгоняли вон, не уделяя особого внимания; этой частью утреннего заседания никто не интересовался, даже апаша. Список деяний зачитывался монотонно. Последний грязный и вонючий – отвратительный, обезьяноподобный негодяй, чье жестокое выражение лица вызвало отвращение у Нэркома, когда он, воняя своими грязными лохмотьями, заплатил свой штраф и ушел, и теперь до начала разбора серьезных дел остался лишь случай попытки самоубийства. Этот случай занял внимание магистрата, возможно, минут на двадцать или около того, а затем раздался голос, призывавший неизвестного, арестованного вчера вечером в гостинице «У семи грешников», предстать перед ним.

В одно мгновение рябь волнения пробежала по залу суда и по двору здания. Братство апашей, сидевшее в зале, передавало слова братству апашей снаружи, и они насторожась ждали – молчаливые, хмурые, напряженные, словно затаившиеся перед прыжком тигры, ожидая развития событий. Все взгляды были устремлены на дверь, через которую должен был войти приговоренный немой. Но хотя другие входили при первом звонке, он не пришел даже при втором, и судья только что дал нетерпеливое указание, чтобы бродяга был вызван в третий раз, когда раздался грохот сапог, и охранник камеры содержания ворвался в зал суда, бледный, как мертвец, и дрожащий, как осиновый лист.

– Мсье ле Жуж! – закричал он, патетически воздев руки. – Будь я проклят, что мне сказать? Его нет! Он ушел!.. Он сбежал... Тот неизвестный. Когда я открыл камеру и позвал Жана Ламаро, пьяницу, по делу, предшествующему последнему, из темноты вышел ко мне тот, кто, как я подумал, и был пьяницей Жаном Ламаро. Но, мсье, он не был Жаном Ламаро!.. А теперь я пошел за неизвестным, когда он не отозвался. Я пошел и зажег свет, и там был

он, настоящий Жан Ламаро – без одежды, задушенный до потери сознания, один на полу, а неизвестный ушел в его лохмотьях, заплатив его штраф!

Раздался громкий крик, зал суда превратился в сумасшедший дом. Апаши повскакивали со своих мест и кинулись наружу; затем, объединив силы с соратниками на улице, рассеялись и побежали по улицам искать сбежавшего коробейника.

Глядя на весь этот бедлам, Нэрком сидел, прикрыв лицо руками, чтобы скрыть истерический смех. Он, наконец, все понял.

– Клик! – пронзительно и радостно прошептал он на ухо Доллопсу. – Только один человек во всем мире мог повернуть это дело, только один человек во всем мире посмел бы. Это был он – это был Клик! Да благословит Бог его душу!

– Аминь, сэр, – вздохнул Доллопс, сглотнув; затем они вышли на улицу.

Минуту спустя какой-то нищий протянул к ним грязную руку и заскулил:

– Булонь, мсье. Набережная Ангелов. Третий дом от берега; как раз к полуденной лодке через Фолкстон. Подайте мне два франка, пожалуйста. Мсье сказал, что вы сделаете, если я скажу это вам, когда вы выйдете из здания суда.

Два франка сразу же оказались в его руке, а менее чем через минуту извозчик уже вез Нэркома и Доллопса на железнодорожную станцию, и следующий поезд умчал их в Булонь. В полдень они прибыли на набережную Ангелов и направились к третьему дому от берега – маленькой таверне с игрушечным садиком и своего рода аркадой позади, и там под миндальным деревом с сигаретой в руке и цветком в петлице сидел он.

– Хозяин! Ох, да благословит вас Господь, хозяин, это действительно вы? – воскликнул Доллопс, бросаясь к Клику, как девушка к любимому.

– Да, это действительно я, – ответил Клик с типичной для него легкой усмешкой. Затем он встал и протянул руку Нэркому. И мгновение или два они стояли, сжав друг другу руки, не говоря ни одного слова, не издавая ни единого звука. – Ты почти испортил мне всю игру, мой чрезмерно усердный друг, – заметил Клик после затянувшейся паузы. – Мне хотелось прибить тебя, когда ты оказался с толпой копов в кабаке «У семи грешников». Еще десять минут, и в моих руках было бы то, что заставило бы его моравское величество дать Ирме свободу и отречься от престола в пользу своей супруги. Но тут ты приперся, дорогой старый, неотесанный друг. Когда я поднял взгляд и узнал тебя... Ну, в общем, проехали!.. Я возвращался в Лондон, когда случайно увидел графа Вальдемара на вахте возле парохода в Кале. Он караулил меня, собака, шел за мной по пятам в Париже – и тут я увидел шанс сбросить его с хвоста. Господи! Как раз вы и сообщили этим апашам, что я только что прибыл с этой стороны и сел на пакетбот, потому что увидел Вальдемара. Они догадались. Я не мог говорить там, и я не осмелился бы говорить в суде. Они были там, внутри здания и снаружи, выжидая, чтобы убить меня ножом, как только убедятся, что я – это я. Я должен был уйти... Я должен был пройти мимо них и... Вуаля.

Он повернулся, положил руку на плечо Доллопса и тихо рассмеялся.

– Новое место в порядке, старина? Сад хорошо себя чувствует, и все мои ловушки наготове, а?

– Да, сэр, Бог да благословит вас, сэр. Все устроено, как вы распорядились, сэр, все в порядке.

– Хороший парень! Тогда – пора домой! Мой отпуск во Франции закончился, мистер Нэрком, и я снова возвращаюсь в строй. Я нужен тебе, старый друг, и я сказал, что приду, если ты позовешь. Дай мне несколько дней отдыха в старой доброй Англии, дорогой друг, а потом разберемся с вашими загадками, и я снова стану человеком Скотланд-Ярда...

Глава I

– ДУМАЮ, ТАК И будет, сэр, – сказал Леннард, останавливая лимузин в начале тенистого переулочка, густо засаженного лаймом и каштанами. Этот проезд выходил в рощу у реки, воды которой сияли золотом в лучах солнца, клонящегося к закату.

– Посмотрите! Вот! Там есть табличка с надписью – «Спящая русалка». Там, слева.

– Что-нибудь на этой вывеске прикреплено или подвешено? – поинтересовался господин Нэрком из салона автомобиля, не делая никаких попыток выйти из машины, просто просмотрев записку, написанную на обороте карточки, на лицевой стороне которой значилось:

Таверна Маладоси, набережная Ангелов, Булонь.

Слова были напечатаны игривым, витиеватым шрифтом.

– Обрывок тряпки, клочок газеты, птичье перо – есть что-нибудь? Посмотри внимательно!

– Нет, сэр, ничего такого, что я могу видеть отсюда. Должен ли я подойти и убедиться?

– Да. Только так, чтобы никто ничего не заподозрил. Если вы обнаружите даже самую маленькую вещь – к примеру, носовой платок, – прикрепленную к столбу, немедленно возвращайтесь на свое место, и едем в город так быстро, как только может эта машина!

– Так точно, сэр, – отрезал Леннард и тут же сделал то, что ему приказали. Не прошло и двух минут, как он вернулся и сообщил, что на вывеске без микроскопа не найти даже пылинки.

Нэрком глубоко вздохнул с облегчением от этой новости, сунул карточку в карман и вышел из машины.

– Поболтайте где-нибудь в этом районе и держите уши открытыми на случай, если мне придется дать сигнал раньше, чем я ожидаю, – распорядился суперинтендант. Затем он развернулся на каблуках, нырнул в рощу, под сень деревьев, и устремился вниз по направлению к реке.

Когда ему оставалось около тридцати ярдов до цветущих ив, склонившихся к воде, он наткнулся на странный маленький домик с красной крышей и низкими карнизами, блестящими витражами, уставившимися на берег. Перед домиком был разбит сад, полный фиалок, первоцветов и крокусов, с живописной заросшей лужайкой, бывшей когда-то площадкой для игры в кегли.

– Королева Анна, что за чудо! – воскликнул он, осматриваясь и стараясь запечатлеть в памяти все детали: от сороки в старой плетеной клетке с остроконечным верхом, свисающей с гвоздя рядом с дверным проемом, до грубо вырезанной фигуры русалки над окном бара, с витражом и резными ставнями, массивным дубовым подоконником на высоте плеча от земли.

«Интересно, как, черт подери, Клик находит такие места? Какой дурак вложил деньги в подобное заведение в наши дни – дни бурной суеты и предпринимательства? Вдали от дороги, на берегу и закрытое деревьями от реки. Боже! Они не заработают и фунта за месяц в такой глуши!»

Конечно, таверна явно не была перегружена клиентами. Проходя через прихожую, суперинтендант мельком увидел хозяйку, дремавшую в глубоком кресле у окна, и спину неуклюже одетой барменши, которая никак не прореагировала на его приход. Она невозмутимо возвышалась на табуретке за барной стойкой, вытирая пыль и полируя изделия из дерева на полках. Дверь бара была открыта, и через нее Нэрком мельком увидел сутулого, бойкого старика, суетящегося у столиков, заполняющего спичечные коробки, вытирающего пепельницы и осторожно складывающего помятые газеты, которые лежали на центральном столе. О том, что

он не владелец, а просто официант, свидетельствовали полотенце на руке, старый потертый пиджак и мешковатые брюки, наряду с выполняемой им работой.

«Бедный дедуля! Работать в его-то возрасте!» – сказал себе Нэрком, отметив бледное, печальное, изъеденное временем лицо и тщедушное тело; затем, тронутый чувством острой жалости, он вошел в комнату и мягко заговорил со стариком:

– Чай на двоих, дедушка, если справишься, – сказал он, швырнув старику шиллинг. – И сообщи домовладелице, что я хотел бы забронировать этот зал эксклюзивно на час или два, чтобы она могла списать убытки с моего счета, если ей придется отказать другим клиентам.

– Спасибо, сэр. Я займусь этим прямо сейчас, сэр, – ответил старик, положив в карман монету. Он отошел, шаркая, чтобы отдать необходимые распоряжения. Через минуту он снова вернулся, разложив скатерть и накрыв посуду, в то время как Нэрком ожидал, вышагивая по комнате и рассматривая старинные литографии и ящики с чучелами рыб, которые висели на стенах, обшитых дубовыми панелями.

Было около четверти пятого, когда старик принес чайный поднос и поставил его на стойку; и, несмотря на то, что это место ему не нравилось, Нэрком не мог не отметить быстроты обслуживания и привлекательного качества поданных яств.

– Вы можете идти, – сказал он официанту, когда пожилой человек наконец низко поклонился и объявил, что все готово. Затем, через мгновение обернувшись, он обнаружил, что тот все еще стоит на месте и ждет распоряжений. Тогда суперинтендант добавил: – Говорю вам, вы свободны! – повторил он резко. – Нет, не снимайте чехол с чайника, оставьте все как есть. Джентльмен, которого я ожидаю, не прибыл еще, но будет тут с минуты на минуту и... Послушайте! Вы сможете убрать чехол, когда я скажу, и оставить меня и этого джентльмена наедине? Что?..

Ехидный смешок официанта напоминал шелест гравия.

– А то, что побережье совершенно пустынно, и за тобой не следят, дорогой друг, – прозвучал голос – голос Клика – в ответ. – Присядем? Я голоден.

И когда Нэрком развернулся на каблуках – с уверенностью, что никто не входил в комнату с тех пор, как дверь была закрыта, – чехол был снят с чайника рукой, которая больше не дрожала. Сгорбленная фигура официанта распрямилась, его бледное лицо преобразилось!

– Это все-таки чудо – то, как ты проделываешь это, Клик! – с восторгом выпалил Нэрком, бросившись к другу.

– Ш-ш-ш! Осторожно, потише, дорогой мой, – остановил его Клик, поднимая руку в предупредительном жесте. – Доллопс дал мне понять, что поблизости нет никого, кто мог бы слышать наши разговоры. И хотя горничная и глухонемая, помни, что миссис Кондимент не глуха, не нема. А я не хочу, чтобы она узнала мое настоящее имя.

– Госпожа Кондимент? – повторил Нэрком, понизив голос. Теперь он, казалось, взволновался и был очень удивлен. – Ты хочешь сказать мне, что старуха, которую ты нанял домработницей, когда жил на улице Кларджес, здесь?

– Конечно. Она хозяйка этого заведения. Ее помощница – та самая глухонемая служанка, которая работала с ней в старом доме. «Капитан Бербэдж» привел их на пару на работу сюда через два дня после своего отъезда с Кларджес-стрит и выплачивает им ежемесячную заработную плату, достаточную, чтобы компенсировать отсутствие «нормальной работы». Все, что они должны делать, – это позволить приятелю капитана – бедному старому и глупому экс-официанту по имени Джозеф – приходить и уходить, когда он пожелает, и приводить гостей, если он захочет. Зачем это ему?.. Нет, сам «капитан» здесь не живет. Предполагается, что он и его воспитанник Доллопс покинули пределы страны. Миссис Кондимент не знает, где он живет, и ей никогда не позволят это узнать. Возможно, когда-нибудь, возможно, – это решать в будущем; но не сейчас, мой дорогой друг, это слишком рискованно.

– Почему рискованно, старина? Конечно, я могу приходить и уходить тайком, как в старые добрые времена, Клик? Помнишь, у нас тогда были тайные встречи.

– Да, помню. Но все изменилось, мистер Нэрком. Ты можешь замаскировать себя настолько хитро, насколько пожелаешь, но ты не сможешь замаскировать красный лимузин. Эту машину знают все. Так что пока ты не получишь еще одну машину совершенно другого цвета и внешнего вида, я буду звонить тебе каждое утро, и мы можем назначать наши встречи с помощью телеграмм. Пока же мы не должны рисковать. В те дни, что миновали, дорогой друг, у меня не было врагов на хвосте, кроме Марго и ее ничтожной команды, а их было легко перехитрить. Теперь врагов у меня много. У них есть мозги, у этих новых врагов; они богаты, они отчаянны, сильны; в их сердцах непримиримая ненависть, и у них длинные руки... Хотя все это неважно! Ты все равно не поймешь.

– Тогда я могу сделать дьявольскую правдоподобную догадку, – хмыкнул Нэрком обиженно. Его тщеславие слегка пострадало от последнего замечания Клика, и мысленно он вернулся к короткому разговору между Марго и графом Вальдемаром в тот вечер на продуваемой ветрами палубе. – Их ведет непримиримая ненависть и злобная рука короля Моравии!

– Что за чушь! – рассмеялся Клик издевательским тоном. – Мой друг, ты в последнее время читал слишком много дешевых романов? Вор и монарх! Бывший преступник и король! Я-то считал, что ты в здравом уме.

– Это король Моравии стоял за той попыткой убить тебя. По его приказу взорвали дом на Кларджес-стрит.

– Возможно. Но это не дискредитирует его королевское величество... Граф Вальдемар, стоящий за всем этим, не только равнодушен к королю Моравии Ульрику, но и является племянником его бывшего премьер-министра – джентльмена, который в течение пятнадцати лет энергично снабжал работой британскую полицию, пытаясь изловить меня для своих безумных махинаций.

– Ого! – протянул Нэрком, опечаленный нежеланием друга быть откровенным. Затем он с неожиданным рвением ухватился за еще одну соломинку, надеясь все же узнать истину.

– Но даже тогда у главы моравского правительства, должно быть, была причина желать стереть тебя с лица земли. В то время не могло быть и речи о том, чтобы отомстить за дядю... Клик, скажи правду! – его голос стал умоляющим. – Клик, ты ведь друг мне! Не так ли? Почему ты играешь со мной в эти игры? Когда ты, во имя Господа, расскажешь мне все как есть? Кто ты такой на самом деле?

– Я – Клик, – спокойно ответил таинственный приятель суперинтенданта, спокойно вытягивая кресло и садясь за стол. – Клик – консультант Скотланд-Ярда, Человек с сорока лицами – тот, чьими услугами вы так часто пользуетесь. Кто может знать это лучше, чем ты, чья рука помощи сделала меня тем, кто я есть?

– Да, но раньше, Клик? Кем ты был, кем был в прежней жизни?

– Неуловимым взломщиком – преступником, который, без сомнения, нашел бы собачью смерть, если бы не твоя добрая рука помощи и не завораживающий взгляд Элизы Лорн... Теперь передай мне чашечку чая... Меня мучит жажда, а после этого мы поговорим об этой новой загадке, которая нуждается в разгадке во имя чести Скотланд-Ярда... Да, спасибо... Два кусочка сахара и просто капля молока... Боже! Как хорошо вернуться в Англию, дорогой друг... Это так хорошо, просто отлично!

Глава II

– ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК, А? – протянул Клик, взглянув на мистера Нэркома, который две или три минуты назад ввел его в курс дела. – Много. И все за последние шесть недель, говорите? Неудивительно, что газеты рвут и мечут, выставя Скотланд-Ярд скопищем дураков, если, как вы предполагаете, это не было случайными смертями. Конечно, нет?

– В том, что это убийства, можно быть уверенным. Вначале у меня были сомнения – казалось, что так мало связывало отдельные трагедии. Но когда выяснилось, что каждый случай в деталях походил на предыдущий...

– Естественно. Даже осел понимает, что есть еда, если пахнет чертополохом. Но, пожалуйста, начнем с начала. С чего началась эта история? Когда и где?

– Несколько дней назад в районе Хэмпстед-Хит в два часа ночи. Дежурный констебль в округе обнаружил человека в пижаме. Тот лежал лицом вниз под стеной, окружавшей угловой дом. Тело было еще теплым, но несчастный был мертв, как королева Анна.

– В пижаме? – задумчиво повторил Клик, взяв свежий кусок тоста. – Довольно четкое доказательство того, что проблема бедняги, какой бы она ни была, наверняка настигла его в постели и что эта кровать находилась либо поблизости от места, где он был найден, либо человек был доставлен в закрытом транспортном средстве к месту, где констебль обнаружил тело. Парень не мог далеко уйти в таком виде, не привлекая внимания. И тело было теплым, говоришь, когда его нашли. Хм-м! Какой-нибудь автомобиль заметили в непосредственной близости от этого места? А может, кто-то что-то слышал?

– Ни то, ни другое. Ночь была очень тихой, и констебль должен был слышать, если бы мимо проехал автомобиль или карета, или если бы по реке прошла лодка или катер. Он уверен, что ничего подобного не произошло. Естественно, он думал, как ты только что предположил, что этот человек, должно быть, пришел из какого-то дома по соседству. Расследование, однако, доказало, что это не так, – короче говоря, никто из живущих по соседству никогда не видел его раньше. В самом деле, вряд ли он мог ночевать в каком-либо из соседних домов, так как район очень престижный, а этот человек выглядел как человек из рабочего класса.

– Какие-нибудь следы на одежде или теле?

– Никаких, кроме татуировки в виде сердца на левом предплечье, которая заставила следователя прийти к заключению, что этот человек когда-то был либо солдатом, либо моряком.

– Почему?

– По его словам, татуировка, очевидно, была иностранного происхождения, благодаря искусному способу ее нанесения и яркому цвету используемых пигментов. Кроме того, тело не было повреждено. Человек не был зарезан, его не застрелили, и посмертное обследование внутренних органов убедительно доказало, что он не был отравлен. Он также не был задушен, утоплен или избит, потому что мозг не был поврежден, а легкие были чистыми. Было замечено, однако, что проходы горла и носа чрезмерно красные, и что кишечник слегка растянут. Последнее, однако, было определено врачами как естественное состояние после энтерального заболевания, и стало ясно, что человек недавно болел. Они приписали слегка воспаленное состояние носового прохода и горла тому, что он проглотил или вдохнул что-то – камфору или что-то в этом роде, – чтобы успокоить вздутие кишечника, хотя даже при анализе они не смогли обнаружить следов камфоры или любого постороннего вещества вообще. Тело держали в публичном морге несколько дней в ожидании опознания, но никто не явился, чтобы затребовать его. В конечном счете несчастного похоронили и вынесли вердикт: «Найден мертвым». Дело ушло в архив. Этот случай вызвал мало комментариев со стороны общественности или газет, и о нем никогда бы не вспомнили, если бы не тот удивительный факт, что всего через две ночи после похорон неизвестного был найден второй труп при точно таких же обстоятель-

ствах – с той только разницей, что этот второй был в ботинках, исподнем и брюках. Его нашли в канаве (в которую скатился, судя по следам), за какими-то пушистыми кустами на пустыре. Вскрытие показало, что этот человек умер точно так же, как и первый, но, что было более поразительным, он, очевидно, умер раньше первого на несколько дней; поскольку, когда тело было найдено, разложение уже началось.

– Хм! Понятно! – протянул Клик, подняв брови и продолжая помешивать чай. Ясно! Случай того, про что Пэдди сказал бы: «Второй парень – явно первый». Продолжай, пожалуйста. Что было дальше?

– Поднялась шумиха, поскольку теперь стало очевидно, что в обоих случаях было совершено преступление; и пресса начала раздувать сенсацию. В течение следующих двух недель газеты взбудоражили Лондон, породив панику среди населения и разжигая страхи людей. Зава-рилась адская каша; к тому времени было найдено третье тело – снова в кустах, на расстоянии более полумили от места, где был обнаружен второй труп. Как в первом случае, на покойном была ночная одежда; но процесс разложения зашел гораздо дальше, чем во втором случае, свидетельствуя, что человек, должно быть, умер задолго до того, как кто-либо из первых двух!

– Ого! – воскликнул Клик. – Какой конченный идиот! Наш убийца, очевидно, играет грубо, мистер Нэрком, он не является ни профессионалом, ни агентом какого-то тайного общества, занятым в деле уничтожения определенных помеченных людей. Ни секретный агент, ни профессиональный бандит не совершили бы чрезвычайной глупости, действуя несколько раз в одной местности, уверен! Убийца – дилетант, и вот этот сумбурный любитель, позволяющий себе погрузиться в чувство безопасности из-за неспособности полиции обнаружить тела первых жертв, действует вновь и вновь по одному сценарию. Я полагаю, справедливо предположить, что четвертый человек был обнаружен при точно таких же обстоятельствах, что и первый.

– Не совсем так... При похожих, но не совсем, Клик. На самом деле, он был еще жив, когда его нашли. Я не поверил отчету, когда впервые услышал его (его мне принес репортер), и отправил Петри расследовать этот случай.

– Почему ты не поверил отчету?

– Потому что это казалось невероятно абсурдным. И, кроме того, репортеры сочинили столько чепухи, с тех пор как нашли второе тело... По словам этого парня, бродяга, шлявшийся по пустоши в поисках места для сна, напугался до полусмерти, услышав голос, который он охарактеризовал как «сдавленный», кричащий в темноте: «Сапфиры! Сапфиры!» Несколько мгновений спустя, как утверждал репортер, ссылаясь на рассказ бродяги, тот внезапно увидел фигуру человека, который танцевал, как кружащийся дервиш, с широко открытым ртом, высунутым языком и указательными пальцами рук, засунутыми в ноздри, как будто...

– Что ты сказал? Повтори? – голос Клика вклинился в рассказ резко, как щелчок кнута. – Боже! Кружился на месте? С открытым ртом? Высунув язык? Вонзив пальцы в ноздри? Так?

– Да. А что? Ты видишь какую-то зацепку в этом деле, Клик? Кажется, у тебя есть идея.

– Неважно. Продолжай излагать факты. Был ли этот отчет верным в деталях?

– В какой-то мере да. Только, конечно, пришлось принять на веру утверждение бродяги о том, что этот человек кричал про «сапфиры», потому что когда его обнаружили и доставили в больницу, он находился в коматозном состоянии и не издал ни звука. Он умер, не приходя в сознание, примерно через двадцать минут после прибытия Петри; и хотя врачи выполнили вскрытие сразу после того, как дыхание покинуло его тело, не было обнаружено никаких следов чего-либо, что отличалось бы в малейшей степени от других случаев. Сердце, мозг, печень, легкие – все были в здоровом состоянии, и кроме покрасневшего горла и признаков недавнего кишечного расстройства не было ничего ненормального.

– Но его губы – его губы, мистер Нэрком? Были ли на них следы земли? Он лежал лицом вниз, когда его нашли? Его пальцы вцепились в дерн? Выглядело так, как будто он кусал землю?

– Да, – ответил Нэрком. – На самом деле во рту были земля и трава. Врачи осторожно сняли их, осмотрели под микроскопом, даже подвергли химическому тестированию в надежде обнаружить какое-то постороннее вещество, смешанное с массой, но ничего не смогли обнаружить.

– Конечно, конечно! Это было бы как дыхание, как проходящее облако, если это то, о чем я подозреваю.

– Если бы это было что? Клик, дорогой мой! Боже! ты хочешь сказать мне, что у тебя есть догадка?

– Возможно... Возможно... Не станем забегать вперед! – раздраженно ответил Клик. Затем он встал, подошел к окну и замер, сжимая подбородок между большим и указательным пальцами и пристально глядя вдаль. Однако через некоторое время продолжил: – Да, это возможно... Несомненно, это может быть так, – пробормотал он тихим голосом, как будто отвечая на вопрос. – Но в Англии – в этой далекой стране?! В Малайзии?.. Да! На Цейлоне? Конечно. И сапфиры тоже... Сапфиры! Хм-м! Они их там добывают. Один человек путешествовал в чужих краях и был татуирован туземцами... Конечно! Конечно! Но кто?.. Но как?.. В Англии? – Клик замолчал. Примерно минуту он стоял абсолютно безмолвный, бесшумно барабанил кончиками пальцев по подоконнику, затем резко повернулся и обратился к Нэркому.

– Продолжай рассказ, пожалуйста, – попросил он. – Кажется, там был пятый. Когда и как пришел его конец?

– Он погиб, как и другие, по большей части, но с одним поразительным отличием: вместо того, чтобы быть раздетым, пятый был полностью одет, и его одежда была цела, кроме воротника и ботинок. Он был убит в ту ночь, когда я отправился с Доллопсом на Континент в поисках тебя. Это было второе тело, которое на самом деле не было найдено вовремя на пустоши. Как и первого человека, его нашли под стеной, которая окружает Леммингем-Хаус.

– Леммингем-Хаус? Что это – гостиница или частная резиденция?

– Частная резиденция, принадлежащая и занятая мистером Джеймсом Баррингтоном-Эдвардсом.

– Какое отношение он имеет к капитану Баррингтону-Эдвардсу, который был уволен из армии около двадцати лет назад за «поведение, не подходящее офицеру и джентльмену»?

– Это тот же человек!

– Ого! Тот же человек, а? – в голосе Клика неожиданно зазвучали заинтересованные нотки. – Ненадолго остановись! Позволь мне поделиться размышлениями. Капитан Баррингтон-Эдвардс... Гм-м-м! Эта маленькая военная неприятность произошла на Цейлоне, не так ли? Полагаю, джентльмену нравились фокусы. И он зашел так далеко, что стал изучать их лично, под опекой местных факиров, и впоследствии был пойман на мошенничестве в карточной игре. Так?

– Да, – согласился Нэрком. – Все так и было. Но, должен сказать, есть нечто поразительное, связанное с ним, только не в связи с этим скандалом о карточном шулерстве... Он всегда клялся, что невиновен. На самом деле, один из офицеров, желая уничтожить его репутацию, оклеветал его.

– Да... Знаю. Они все так говорят. Это единственное, что они могут сказать...

– Тем не менее я всегда верил ему, Клик. Он был простым человеком. Я часто встречался с ним. Кроме того, он считался весьма уважаемым джентльменом. А офицер, о котором я говорил, оклеветал его, чтобы очернить в глазах своей возлюбленной. В конце концов он женился на той девушке, так что это все выглядит довольно подозрительно. Однако, хотя это разрушило военную карьеру Баррингтона-Эдвардса и озлобило его так, что он никогда не женился, он, безусловно, с удовлетворением узнал, что оклеветавший его оказался абсолютным мошенником, потратил все деньги своей жены и довел ее до абсолютной нищеты, в

то время как если бы она выбрала Баррингтона-Эдвардса, она была бы действительно богатой женщиной сегодня. По минимальным прикидкам, он обладал состоянием в полмиллиона.

– Как так вышло? Кто-то умер и оставил ему целое состояние?

– Нет. Он сам его заработал. Приобретя познания на Востоке, он стал хорошо разбираться в драгоценных камнях и решил заняться ювелирным бизнесом. Он превзошел все свои самые смелые надежды и в итоге возглавил фирму «Баррингтон-Эдвардс, Морпепф и Фирмин», которая является крупнейшим дилером драгоценных камней, каким может похвастаться Хаттон Гарден³.

– Ого! – протянул Клик. – Интересно! Очень интересно! – Он резко развернулся и выглянул в окно. Затем, через мгновение, спросил: – А мистер Баррингтон-Эдвардс живет в окрестностях Хэмпстед-Хит, не так ли? В одиночестве?

– Нет. Вместе со своим племянником и наследником, молодым мистером Арчером Блейном, единственным ребенком сестры, которая давно умерла. На самом деле, именно мистер Арчер Блейн обнаружил тело пятой жертвы. Приходя домой без четверти час после посещения старого друга по колледжу, он обнаружил лежащего на камнях человека, в тени стены, окружавшей Леммингем-Хаус, и, конечно, не теряя времени, вызвал дежурного констебля при помощи полицейского свистка. Тело было сразу же отдано в управление наскоро вызванному наряду полиции и доставлено в морг Хэмпстеда, где все еще находится в ожидании опознания.

– Был ли труп сфотографирован?

– Пока нет. Конечно, он будет сфотографирован, как и остальные четыре, до захоронения, если никто не появится, чтобы потребовать его. Но в этом случае мы возлагаем большие надежды на то, что идентификация произойдет в силу особых примет покойного. У этого человека перепонка и...

– Пере... что? – взволнованно воскликнул Клик.

– Перепонка, – повторил Нэрком. – Несколько пальцев ног присоединены друг к другу с помощью тонкой мембраны, как у утки. А на левой ноге есть своеобразный роговой выступ, как...

– Как рудиментарный шестой палец! – взволнованно вклинился Клик. – Да, а? Ну конечно! Однажды я знал одного человека... Много лет назад на Дальнем Востоке... У него ноги были так деформированы. И если по какой-либо причине... Стоп! Еще пара деталей. Это большой мужик, широкоплечий, мускулистый, ему около сорока или сорока пяти лет?

– Именно, дорогой друг. Однако есть еще одна особенность, о которой ты не упомянул, хотя, конечно, это может быть недавнее приобретение. Ладонь правой руки...

– Подожди немного! Подожди немного! – раздраженно перебил друга Клик. Он отодвинулся от окна и теперь короткими нервными шагами мерил комнату взад и вперед, потирая подбородок большим и указательным пальцами, при этом он нахмурился и уставился в пол.

– Саффграм... Джаффне... Тринкомали! Во всех трех случаях... Во всех трех! – бормотал он, озвучивая свои мысли. – И теперь покойник сует пальцы в ноздри и говорит о сапфирах. Сапфирах, а? «И Саффрагам прилип к ним, как блески к вуали танцовщицы из кабаре!» Баревский риф... или я – голландец! И Баррингтон-Эдвардс был там! Как и Пибоди, как и Майлз, как и лейтенант Эдгберн и испанец Хуан Альварес. Восемь из них, бхгад – восемь! И я был бы ослом, чтобы забыть... идиотом, чтобы не уловить связь, пока снова не услышал о перепонке Джима Пибоди! Но стоп! Стоп... Должна быть еще одна необычная нога, если это действительно ключ к разгадке, итак...

Он резко остановился и повернулся лицом к мистеру Нэркому.

---

³ Самый известный ювелирный район в Лондоне – улица и площадь Хаттон Гарден, которые являются центром ювелирной торговли еще со времен Средневековья. Здесь находится 300 предприятий и 55 дешеневельных ювелирных магазинов.

– Скажи мне. У четырех других мертвецов... У кого-нибудь из них была поврежденная нога? Слева или справа, я забыл, все пальцы, кроме большого, были откушены крокодилом, так что при жизни парень, должно быть, немного хромал? Кто-нибудь из мертвецов имел такую примету?

– Нет, – покачал головой Нэрком. – Ноги всех остальных были нормальными в каждом конкретном случае!

– Хм-м! Это немного сбивает с толку. И либо на неправильном пути, либо Альварес все еще жив... Что я имею в виду?... О, это не имеет значения. Просто мои досужие фантазии, вот и все. Теперь давай вернемся к нашим баранам, пожалуйста. Ты собирался рассказать мне что-то о правой руке человека с перепонкой. Что там было?

– На ладони были любопытные иероглифы, вытатуированные ярко-фиолетовым цветом.

– Иероглифы, а? Это выглядит не так многообещающе, – разочарованно пробормотал Клик. – Вполне возможно, что в мире может быть несколько человек с перепонками на ногах... Хм-м-м! А что это были за иероглифы, друг Нэрком? Ты можешь их описать?

– Я могу сделать лучше, мой дорогой друг, – ответил суперинтендант, погрузившись во внутренний карман и вытащив коричневый кожаный чехол.

– Сегодня утром я точно скопировал их с мертвой руки. Вот, собственно, и они. Это то, что было у него на ладони, Клик, рядом с основанием указательного пальца, и далее, по диагонали.

Клик взял листок кальки и отнес его к окну, потому что сумерки стусились, а комната наполнялась тенями. Посередине тонкого прозрачного листа прослеживалась надпись.

Он повертел лист, поднес к свету и несколько секунд изучал в растерянном молчании. Вдруг его глаза засияли, а губы изогнулись в загадочной улыбке.

– Мой друг, – сказал он, отвечая на напряженный вопрос во взгляде суперинтенданта, – это еще одно подтверждение теории Эдгара По, что наименее скрытые вещи лучше всего спрятаны, и что самые сложные тайны – это те, которые по сути своей очевидны. С твоего позволения я сохраняю это, – он сунул кальку в карман, – а потом я пойду в морг и осмотрю оригинал. А пока я пойду настолько далеко, что сообщу, что знаю мотивы этих убийств, знаю способ, и если ты дашь мне сорок восемь часов, чтобы разгадать загадку, я найду убийцу. Я даже пойду дальше и скажу имена всех жертв; и все это на основе уже известных фактов. Человек с перепонкой, один из них, Джеймс Пибоди, кузнец, в свое время был прикомандирован к Синей кавалерии в Тринкомали, Цейлон. Другим был Джозеф Майлз, ирландец, рано охваченный «жаждой странствий», которая уносит людей мотаться по свету и разбрасывает камни, не собирая их. Еще одним – и, вероятно, по следу от татуировки на его руке, первой найденной жертвой – был Томас Харт, бывший моряк торгового флота, ранее служивший на линии Р & О; оставшимися двумя были Александр МакКарди, шотландец, и Т. Дженкинс Кегг, янки. Последний, однако, был натурализованным англичанином, и оба были рядовыми в армии Ее покойного Величества и с честью ушли в отставку по истечении срока службы.

– Клик, дорогой мой, ты волшебник? – спросил Нэрком, опускаясь на стул в изумлении.

– О нет, мой друг, просто человек с памятью, вот и все. Я случайно вспомнил любопытную маленькую «банду», состоявшую из восьми человек. Пять из них мертвы. Другие три – Хуан Альварес, испанец, лейтенант Эдгберн, который женился на девушке, на которой собирался жениться капитан Баррингтон-Эдвардс, и, наконец, сам экс-капитан Баррингтон-Эдвардс. Осторожнее, спокойнее, друг мой. Не волнуйся. Все эти убийства были совершены с определенной целью, дьявольским методом и ради любимой уловки дьявола – богатства. Эти богатства, мистер Нэрком, должны были прийти в форме драгоценных камней, славных сапфиров Цейлона. И пятеро из восьми человек, которые должны были стать богатыми благодаря этим сапфирам, загадочным образом погибли в окрестностях Леммингем-Хаус.

– Клик! Моя шляпа! – Нэрком вскочил, когда заговорил, а затем опять рухнул в кресло. – А, Баррингтон-Эдвардс, человек, который там живет, имеет дело с драгоценными камнями. Тогда этот человек...

– Осторожно, друг мой, осторожно... Не хватай первого кролика, выбегающего из норы, – он может быть мелким крольчонком, и ты упустишь большого и жирного кроля. Помни, в этом доме живут два человека. Мистер Арчер Блейн является наследником мистера Баррингтона-Эдвардса, а также его племянником и... Кто знает?

Глава III

– НУ И НУ! Какое подтверждение... Какое ужасное подтверждение! Клик, ты выбиваешь последнюю опору из-под моих ног. Я-то думал, что это всего лишь дикие фантазии впечатлительной женщины! – взволнованно воскликнул Нэрком, вскочив на ноги. – Боже мой! История мисс Вальмонд подтверждена тобой таким ужасным образом.

– Мисс Вальмонд? Кто она? Имеет ли она какое-либо отношение к той мисс Роуз Вальмонд, чье имя так часто встречается в газетах в связи с дарами для католических приютов и домов призрения?

– Да, именно эта леди. Ее благотворительные организации бесчисленны, ее жизнь – псалом. Я думаю, что она сделала больше добра людям в своей скромной и смиренной манере, чем половина гильдий и миссий в Лондоне. У нее независимое состояние, и она живет в компании с недееспособной и почти слабоумной матерью и братом, который, как мне говорят, готовится принять сан. У них прекрасный дом, окруженный великолепной территорией. Стены отделяют ее сад от Лемминг-Хаус.

– Ах, понимаю. Тогда, выходит, она соседка Баррингтона-Эдвардса?

– Да. Из задних окон ее резиденции можно заглянуть в его двор. Вот так... Клик! – голос мистера Нэркома дрожал от волнения. – Ты помнишь, я сказал недавно, что у меня есть нечто поразительное, что я могу рассказать о Баррингтоне-Эдвардсе? Что-то, что не связано с этим старым армейским скандалом? Если бы не безупречная репутация моего информатора; если бы это была любая другая женщина во всей Англии, я бы подумал, что она страдает галлюцинациями из-за подсознательных страхов и перенапряжения разума, напуганного всеми этими отвратительными преступлениями в окрестностях; но мисс Вальмонд...

– О! – восколикнул Клик, внезапно обернувшись. – Выходит, мисс Вальмонд рассказала кое-что о Баррингтоне-Эдвардсе?

– Да, нечто ужасное. Сегодня утром она пришла ко мне с надеждой, в крайне измученном состоянии, словно ее пытали до последнего предела человеческой выносливости. Она боролась в безмолвном сражении с собой несколько недель, как сказала она, но ее совесть не позволяет ей больше хранить ужасающую тайну, равно как рассказать обо всем – ее долг перед Небесами. Проснувшись в глухой ночи от чувства угнетения, она подошла к окну, чтобы открыть его, и, заглянув случайно в сад Леммингем-Хаус, она увидела человека, выскочившего из задней двери дома Баррингтона-Эдвардса в одной пижаме, за которым гнался другой мужчина, которого она посчитала самым Баррингтоном-Эдвардсом. Она увидела, как этот второй человек открывает дверь в боковой стене и выталкивает беднягу на дорогу, где тот впоследствии и был найден констеблем.

– Боже всемогущий!

– Ах, это еще не все, хотя великолепно подтверждает твои выводы. Но дальше – еще хуже. Не в силах преодолеть любопытства, смешанного со страхом, которое притягивало ее ночь за ночью к окну, она видела, как то же самое случалось снова с четвертым и, наконец, с пятым мужчиной – с перепонкой, – и в тот последний раз она увидела лицо преследователя совершенно ясно. Это был Баррингтон-Эдвардс!

– Она была в этом уверена?

– Абсолютно. Именно поэтому она решилась все рассказать!

Клик молчал, мрачно расхаживая по комнате. Однако через минуту заявил:

– Мистер Нэрком. Полагаю, мои старые шмотки все еще в шкафчике лимузина, не так ли? Хорошо! Я так и думал. Вызывай Леннарда, ладно? Я должен буду рискнуть твоей машиной в этой чрезвычайной ситуации. Мне нужно на телеграф; затем в морг, а потом к дому мисс

Вальмонд. Ненавижу мучить хороших людей расспросами, но мне нужно получить факты из первых рук.

ЛИМУЗИН ВЫЗВАЛИ СРАЗУ же... И через час неприметный клерк вошел в офис телеграфной компании, затем его подобрал лимузин и доставил в морг Хэмпстеда, но на этот раз клерк превратился в двойника Петри, так что даже Хаммонд, который стоял на страже рядом с мертвецом, не заметил разницы:

– Привет, Пит, это ты? Я думал, у тебя сегодня выходной!

– Джим Пибоди, собственной персоной, мистер Нэрком, – прокомментировал Клик, когда они вернулись в машину. – Изменился, конечно, за все эти годы, но все еще бедный старый Джим. Добросердечный, честный, но неграмотный. Мог только написать свое имя, и даже без заглавной буквы, бедняга. Дай мне посмотреть на руку. Я вижу фиолетовое пятно на верхней части большого пальца, а также следы на ладони. Хм-м-м! Какие-нибудь карандаши или перьевые ручки любого рода были в его карманах, когда его нашли? Нет? Этот старый карманный нож с костяной ручкой – его?.. Да, я бы хотел посмотреть. Открой нож, пожалуйста. Благодарю... Я так и думал, я так и думал... Эти носки были на нем?.. Бедняга! Как он дошел до этого?.. Дай мне один и... да... фотографии остальных четырех, пожалуйста. Спасибо большое. Нет, это все. Теперь надо позвонить мисс Вальмонд, если не возражаешь. Ты прав. Опустить жалюзи, Леннард. Подними жалюзи и снова открой шкафчик, Нэрком, и мы «выкопаем» мистера Джорджа Хэдленда из его двухмесячной могилы...

РОВНО ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ минут после восьми мистер Джордж Хэдленд был «откопан» и стоял с мистером Нэрком в доме Роуз Вальмонд, слушая историю Роуз Вальмонд из ее собственных уст.

Роуз была представительницей того типажа, о котором все слышали, но который почти никто, по правде говоря, не встречал.

Это была женщина с ангельским лицом.

Как огорчала ее необходимость снова рассказывать эту историю о насилии и убийствах, можно было представить, слыша дрожь в ее сладком голосе, видя болезненное подергивание ее нежного рта и слезы, которые так легко выступали из ее нежных глаз.

– Мистер Хэдленд, я с трудом могу смириться с тем, что это вправду происходило, – сказала она пафосно. – Я не знаю этого мистера Баррингтона-Эдвардса, но я слабая женщина, и мне кажется ужасным восставать против такого злодея, как он. Но я не могу больше держать это в себе. Я чувствую, что это было бы равносильно соучастию, и мысль о том, что если я буду молчать, это, возможно, приведет к жертвам, почти свела меня с ума.

– Я вполне понимаю ваши чувства, мисс Вальмонд, – начал Клик, тронутый до глубины души ее глубоким страданием. – Но могу ли я сказать, что я думаю, что вы все сделали правильно? Я еще никогда не слышал, что Бог – это что-то, кроме Любви, для тех, кто выполняет свой долг, и вы, конечно, выполнили свой – перед собой, человечеством и Богом!

Прежде чем она смогла ответить, из прихожей послышались шаги, и глубокий, красивый мужской голос произнес:

– Роуз, Роуз, дорогая, я готов сейчас, – и почти в тот же момент высокий, стройный мужчина в одежде священника переступил порог и вошел в комнату. Он остановился, увидев остальных, и поспешно извинился.

– О, простите меня... – замаялся он. – Я не знал, что у вас посетители, дорогая, иначе... А? Мистер Нэрком, если не ошибаюсь?

– Да, мистер Вальмонд, – ответил суперинтендант, протягивая руку для приветствия. – Это я, а это мой друг и помощник, мистер Джордж Хэдленд. Мы только что говорили с вашей сестрой о том, что она видела.

– Ужасно... Ужасно... Вот правильное слово, мистер Нэрком. Как и вы, я никогда не слышал об этом до сегодняшнего дня. Вы можете поверить, что это потрясло меня до самой души.... Рад встрече с вами, мистер Хэдленд. Новый ученик, а, мистер Нэрком? Еще один, пошедший по стопам великого Клика?.. Кстати, я вижу, что вы потеряли связь с этим удивительным человеком. Я видел вашу рекламу в газете на днях. Есть хоть какой-нибудь ключ к его местонахождению?

– Ни малейшего!

– Ах, это очень плохо. Исходя из того, что я слышал о нем, он бы быстро справился с этим делом, если бы взялся за него. Но прошу прощения, я спешу, у меня очень мало времени... Руоз, дорогая, я собираюсь навестить отца Бернса сегодня вечером и по дороге остановлюсь в приюте, так что если у тебя, как обычно, будет посылка для детей...

– Она наверху, в моей часовне. Пойдемте со мной... если джентльмены извинят нас, я оставлю их на мгновение... я принесу ее.

– Разве мы все не можем подняться в вашу часовню, мисс Вальмонд? – вставил Клик. – Я хотел бы, если вы не возражаете, взглянуть на сад Леммингем-Хауса из окна, где вы стояли в ту ночь, и попросить вас объяснить, где и что происходило.

– Да, конечно, проходите... – ответила дама и сразу же направилась к выходу из комнаты. Едва пройдя полпути вверх по лестнице, они оказались рядом с открытым дверным проемом, ведущим в комнату, слабо освещенную лампой под абажуром.

Там же, сторбившись в глубоком кресле, сидела пожилая женщина. Ее дрожащая голова склонилась над руками, которые двигались беспокойно и беспечно – на манер слабоумной, – а лицо едва можно было разглядеть сквозь вуаль распущенных седых волос.

Клик едва успел вспомнить рассказ Нэркома о полубезумной матери мисс Вальмонд, когда хозяйка, приглушенно вскрикнув, забежала в комнату.

– Почему ты себя так ведешь, мама? – мягко спросила она. – Зачем ты встала? Что ты здесь делаешь, дорогая? Я думала, что ты все еще спишь... Когда ты спустилась сюда?

Безумная женщина просто бормотала и качала головой, не отвечая и не обращая никакого внимания на вопросы дочери.

– Это одна из ее плохих ночей, – объяснила мисс Вальмонд, когда вышла и присоединилась к остальным. – Мы ничего не можем с ней поделать, когда она такая... Гораций, тебе придется сегодня вечером прийти домой раньше обычного и помочь мне уложить ее в постель. – Затем мисс Вальмонд отправилась дальше, наверх, пока они наконец не добрались до своего рода кельи, где лик Мадонны смотрел сверху вниз на входящих, а мрачные ниши озаряло пламя восковых свечей.

Мисс Вальмонд, шедшая впереди, взяла посылку, завернутую в бумагу, лежавшую возле маленького алтаря, вернулась и передала ее в руки брата.

– Оттуда вы видели, что происходило в саду у соседа, мисс Вальмонд? – спросил Клик, указывая вглубь озаренной свечами часовни.

– О, нет. Я все видела из окна моей спальни, выходящего на другую сторону дома. Вот, сами посмотрите, посмотрите!

Она открыла дверь справа и повела их внутрь, прикоснувшись к кнопке, которая включила электрическую лампу, и осветила комнату.

Это была большая комната, обшитая панелями из мореного дуба, в темно-зеленых тонах, выполненная в мрачном мрачном стиле готической часовни, а на одном конце была занавешенная ниша, ведущая к большому эркеру. С другой стороны располагался своего рода алтарь, увенчанный высокими белыми цветами, а сбоку стояла огромная кровать с балдахином, над изголовьем которой висело огромное распятие, прикрепленное к стене, отделяющей комнату от часовни. Это распятие выглядело подлинным шедевром художественной резьбы по дереву.

Клик подошел ближе и восхищенно залюбовался; мисс Вальмонд, отмечая его интерес, улыбнулась.

– Мой брат привез из Рима, – сказала она. – Разве это не божественно, мистер Хэдленд?

– Да, – согласился он. – Боюсь, мисс Вальмонд, вы должны быть осторожнее с ним. Разве это не сколы? Смотрите! Разве это не отвалившийся кусок? – Он наклонился и взял крошечную щепку из узкого пространства между двумя пуховыми подушками кровати, протянув ей на ладони. Но внезапно он улыбнулся, поднес обломок к носу, понюхал его и выбросил.

– Боюсь, я ошибся – это всего лишь стружка кедра, стружка от свинцового карандаша. А теперь, пожалуйста, я бы хотел осмотреть окно.

Она сразу подвела Клика к нему, объяснив, где она стояла в насыщенную событиями ночь; откуда она видела, как проходили две фигуры, и где находится дверь в стене, через которую был выброшен умирающий.

– Хотел бы я, чтобы эта дверь была прозрачнее, – сказал Клик; ибо наступила ночь, а луна еще не взошла. – У вас нет телескопа или оперного бинокля, мисс Вальмонд?

– У моего брата есть пара биноклей в его комнате внизу. Мне сбегать, принести?

– Был бы очень признателен, – сказал Клик и, как только хозяйка ушла, обратился к полицейскому-суперинтенданту. – Сбегай и достань мои материалы для зарисовок из шкафчика, пожалуйста, Нэрком. Я хочу набросать схему этого дома и сада.

Затем он сел на подоконник и целых пять минут пробыл в одиночестве, задумавшись о чем-то. Бинокль и материалы для эскизов были принесены, садовая дверь осмотрена и схема составлена... Все это время мисс Вальмонд и Нэрком стояли рядом и с нетерпением наблюдали за всем происходящим.

– Вот и все! – объявил Клик, через некоторое время отряхивая угольную пыль с пальцев и натягивая резинку на альбом для зарисовок. – Наконец-то я нашел то, что искал, мистер Нэрком. Дайте мне времени до десяти часов завтра, а потом, если мисс Вальмонд впустит нас сюда снова, я возьму Баррингтона-Эдвардса с поличным.

– Вы уверены?

– Как в том, что я жив. Я подстроил ловушку, которой убийца не сможет избежать. Я обещаю... Так что, если мисс Вальмонд впустит нас сюда снова...

– Да, мистер Хэдленд, разумеется.

– Хорошо! Тогда давайте, скажем, в десять часов вечера завтра здесь, в этой комнате. Вы, я, ваш брат, мистер Нэрком – все! – объявил Клик. – В десять часов. А теперь идемте, мистер Нэрком, и позвольте мне сплести паутину, в которую должен угодить мистер Баррингтон-Эдвардс, а уже из нее на эшафот.

Клик церемонно поклонился мисс Вальмонд и, взяв мистера Нэркома под руку, пошел вниз по лестнице, чтобы подготовиться к последнему акту этой трагедии.

Глава IV

КЛИК СКАЗАЛ, ЧТО возьмет убийцу с поличным в десять часов следующего дня, и в десять часов он был там – старый красный лимузин доставил его в компании с мистером Нэркомом к дверям дома мисс Вальмонд. Их встречал брат мисс Вальмонд.

– Мой дорогой мистер Хедлэнд, я сгораю от нетерпения, – сообщил он. – Надеюсь и молюсь, чтобы все у вас получилось. Но скажите мне, пожалуйста, вы преуспели в своих планах? Вы уверены, что они не подведут?

– На оба вопроса ответ: да, мистер Вальмонд. Сегодня вечером мы возьмем негодяя с поличным. Теперь, пожалуйста, скажите, где ваша сестра?

– Наверху – в своей комнате – с мамой. Мы пытались уложить мать спать, но сегодня она очень капризна и ни на секунду не выпускает Роуз из поля зрения. Но она не помешает вашим планам, я уверен. Пойдемте... Пожалуйста... Сюда... сюда...

Он провел их сквозь хитросплетение комнат и лестниц, пока они не оказались в спальне мисс Вальмонд и снова в присутствии мисс Вальмонд. Она стояла у окна, ее слабоумная мать сидела у ее ног, положив голову на колени дочери. Заботливая рука этой дочери нежно гладила ее спутанные волосы, и не было никакого света, кроме света луны, проникавшего через широкое окно, освещающего тихую и величественную комнату.

– Я держу свое слово, вы видите, мисс Вальмонд, – сказал Клик, входя в комнату. – И через пять минут, если вы посмотрите из этого окна, вы все увидите действие, которое поразит вас.

– Вы изучили место происшествия, мистер Хэдленд?

– Да, до последней канавы, до самой стены, – ответил он, освобождая место для ее брата у окна. – Это простая игра, в которую играет этот джентльмен, и она началась двадцать лет назад, когда вашего соседа выгнали из полка на Цейлоне.

– На Цейлоне! Я... Э-э-э... Боже, благослови мою душу, неужели он побывал на Цейлоне, мистер Хэдленд?

– Да, мистер Вальмонд, он был там. В то время, когда там бушевала сапфировая лихорадка и драгоценные камни искали и находили под каждым кустом. Эта лихорадка и зацепила его и его друзей, но у него почти не было денег, поэтому он сговорился с несколькими товарищами, которые слышали о сингальце, «Барев Сингхе», у которого был риф на продажу в районе Саффрагам, они создали общество на паях, названное ими, в честь бывшего владельца земли, Барев риф, собираясь найти там кучу сапфиров и сказочно разбогатеть.

– Какая волнующая история, как необычайно! Но им не повезло? Или они нашли?

– Нет, они не смогли. Месяц тяжелой и бесплодной работы убедил их, что купленная земля лишена даже намека на сокровища, поэтому они оставили ее, разошлись и отправились каждый своим путем. Однако несколько месяцев назад было обнаружено, что если бы у них были инструменты для более глубокого бурения, их мечта была бы осуществлена, поскольку риф представлял собой сплошную жилу сапфиров – и в нем восемь человек имели равную долю. План, таким образом, заключался в том, чтобы избавиться от этих людей, тайно, от одного за другим. Коварный план одного или, возможно, двух человек – выманить документы остальных; сделать вид, что они были приобретены у первоначальных владельцев законным путем, и, избавившись от этих владельцев...

ОН ВНЕЗАПНО ОСТАНОВИЛСЯ и повернулся. Мисс Вальмонд вскочила, как и ее мать. Он метнулся к ним, как кот в прыжке; раздался резкий щелчок, рычание и крик, и на одном из запястий каждой дамы, а также на руке священника защелкнулся наручник.

– Вы арестованы, мисс Розы Эдгберн! Вы тоже, синьор Хуан Альварес! – резко сказал он; затем, когда преподобный Гораций рванулся в сторону двери, Клик закричал: – Хватайте его, держите его, мистер Нэрком! Быстрее! Давайте, сэр, вот так. Заходите, Петри; заходите, Хэммонд. Джентльмены, вот они, все трое: лейтенант Эрик Эдгберн, его дочь Роуз и синьор Хуан Альварес, три жестоких преступника, которые хладнокровно убили пять человек, ради огромного количества сапфиров и жажды наживы!

– Это ложь! – процедила сквозь зубы девушка, которая была известна как Роуз Вальмонд.

– О нет, это не так, госпожа змея! Вы отвратительное существо, которое прикрывало фальшивой набожностью гнилую душонку, скрывало за фасадом фальшивой праведности деяния вампира. Послушайте, адское отродье: я знаю секрет этого, – сказал он, подошел и положил руку на распятие над кроватью.

– Петри! Зайдите в часовню. Рядом с престолом есть кнопка. Нажмите, когда я крикну. О нет, мисс Эдгберн; нет, я не стану крутиться волчком, не засуну пальцы в нос, и не стану грызть землю, и не умру. Смотри же сатанинское отродье. Ну же, Петри, давай!

И это случилось! Когда он отдал команду, из ноздрей фигуры Спасителя на кресте вырвались два потока белого пара, которые превратились в облака белой пыли, наполнившие спальню.

– Пудра для лица, мисс Эдгберн, только пудра для лица из вашей косметички, – ехидно сообщил Клик. – Я подменил пудрой пыль дьявола прошлой ночью, когда был в этой комнате один.

Она не ответила – только, как загнанный в угол зверь, зарычала и потеряла сознание.

– Ну вот, Нэрком, ты видел метод убийства, ставший причиной смерти этих пяти человек. Теперь пора объяснить, что это за штука, – сказал он, обращаясь к начальнику. – Этот яд известен под двумя названиями: Пыль Дьявола и Прах Смерти, – и оба хорошо ему подходят. Это порошок, пыльца цветка, который растет на молодых побегах бамбукового дерева – любимый метод тайного убийства аборигенов Малайского полуострова, Мадагаскара, Филиппин и Цейлона. Попадая при вдохе в ноздри живого существа, оно вызывает сначала ужасную агонию удушья, ощущение, как будто мозг вытекает сквозь ноздри, затем у несчастного начинается бред, во время которого жертва неизменно падает и грызет землю; затем наступает смерть. Смерть без следа, друг мой, адская пыль почти полностью испаряется, а осадок выводится из организма непроизвольным спазмом кишечника. Это решение загадки... Предыстория проста, этих пятерых несчастных заманили сюда письмами – от Альвареса, – в письмах говорилось о великих сокровищах рифа, о том, что необходимо немедленно прийти и принести с собой документы, соблюдая строжайшую секретность, чтобы ни одна живая душа ничего не заподозрила. Они пришли, их пригласили переночевать и уложили на этой проклятой кровати, а пыль дьявола сделала все остальное. Я проследил это через носок бедного Джима Пибоди. Он был из той голубой ткани, из которой пошита униформа рабочих в работных домах. Благодаря этому я вышел на работный дом, где жил бедняга. Адреса других я нашел через их фотографии. Мне удалось выяснить, что каждый получил письмо из Лондона, и каждый в свою очередь исчез без слов. Бедные парни! Бедные несчастные парни! Будем надеяться, дорогой друг, что они все-таки нашли свою страну сапфиров, пусть и не в этом мире.

Глава V

– КАК Я СМОГ заподозрить девушку? – повторил Клик, отвечая на вопрос Нэркома, когда они умчались в темноту в красном лимузине, оставив Эдгберна и его сообщников в руках полиции. – Ну, на самом деле, я не подозревал ее вообще, в начале. Ее репутация святой спасала ее от любых подозрений. Я понял это только тогда, когда пришел ее отец. А позже я убедился окончательно, когда увидел притворного идиота, изображавшего старуху. Наглый дурак был достаточно законченным ослом: сбросил тапочки и сидел в чулках. Я тут же опознал волосатую ногу Альвареса. Тем не менее я все еще допускал, что сама девушка могла быть невинной жертвой – своего рода голубем в гнезде стервятника, и только когда я обнаружил стружку от заточки свинцового карандаша, я начал сомневаться в ней. А когда я пообещал, что Баррингтон-Эдвардс будет пойман в ловушку, я действительно убедился. Свет, который зажегся в ее глазах, открыл бы правду даже идиоту. Что значит «почему»? Что поведала стружка от карандаша? Мой дорогой мистер Нэрком, перенеси свой разум в тот момент, когда я нашел пятно на большом пальце бедного Джима Пибоди, а затем осмотрел лезвие его карманного ножа. Следы на лезвии свидетельствовали, что бедняга заточил карандаш этим ножом – и, конечно, на кончике большого пальца я нашел след этого карандаша. Из-за своеобразного бронзового блеска полос и мелких частиц пыли, прилипших к лезвию ножа, я убедился, что карандаш был несмываемым – короче, один из тех, которые пишут бледным, черновато-лиловым оттенком, который при воздействии влаги превращается в яркий и несмываемый фиолетовый. Бедняга, умирая, сунул палец в ноздрю, чтобы смягчить ужасное ощущение вытекания мозга, которое порождает адский порошок, влага в носу и пот изменили цвет карандаша, которым он, несомненно, что-то записывал незадолго до кончины. Бедный бродяга! У него оставался единственный близкий человек – его бедная старая мать. Весьма логично предположить, что, найдя жилище Альвареса столь роскошно обставленным, и надеясь, что сам вскоре станет столь же богат, благодаря сапфирам, он сел на эту кровать и начал писать безграмотными каракулями письмо матери, прежде чем полностью раздеться и влезть между простынями. Отметка на его ладони является ясным доказательством того, что, когда ядовитый порошок внезапно обрушился на него, он невольно закрыл рукой это письмо, и пот перенес на его плоть форму каракулей, которые бедняга накарябал. Pardon? Как я узнал по этим каракулям, что я действительно на верном пути, и что это Барев риф, и его сокровища были причиной этой игры? Мой дорогой Нэрком, я не хочу оскорблять твой разум, объясняя это. Все, что нужно сделать, – посмотреть на «иероглифы» с руки Пибоди в зеркальном отражении!.. Что это такое? Посылка, которую девушка дала Эдгберну, чтобы унести под предлогом доставки в детский дом? О, так они избавлялись от одежды жертв. Полагаю, разрезали на мелкие кусочки и выбрасывали в реку, а если нет...

Он внезапно остановился, прислушиваясь; затем повернулся назад и посмотрел в маленькое заднее окошко лимузина.

– Я так и думал, – прошептал он; затем наклонился вперед, схватил трубку внутренней связи и сообщил Леннард: – Внимание: такси у нас на хвосте! Жми полный газ. Этот парень увеличит скорость, чтобы догнать... Затем тормози, пусть этот парень проскочит. Ладно, мистер Нэрком, гасим свет!

И Леннард, и детектив последовали инструкциям. Внезапно свет погас, машина рванулась вперед, затем остановилась с рывком, от которого машину тряхнуло так, что казалось, она неминуемо развалится. В этот момент мимо них промчалось такси, и Нэрком, наклонившись вперед, чтобы рассмотреть машину преследователей, увидел сидевшего в салоне графа Вальдемара из Моравии.

– Святой боже! Ты видел его, Клик? – воскликнул суперинтендант, поворачиваясь к приятелю.

Но Клика в салоне лимузина не было. Его место было пусто, а дверь рядом с ним приоткрыта.

– Ну и шуточки, Клик! – воскликнул полицейский, пытаясь скрыть под маской веселья изумление, потому что даже в те времена, когда Клик был Неуловим Взмломщиком, когда он так часто и так мастерски ускользал из любых ловушек полиции, он ни разу не исчезал так быстро и так бесшумно. – Вот скользкий тип! Боже, угорь ему в подметки не годится. Интересно, когда он смылся и куда?

Любопытство часто не доводит до добра. Сдвинувшись на место Клика, Нэрком открыл дверцу и высунулся во тьму, чтобы обнаружить следы убежавшего Клика. Тот сбежал не зря, у него были веские основания для бегства. Не успел Нэрком высунуться наружу, как в глаза ему ударил свет фар загадочного такси, которое стремительно вернулось и припарковалось впритирку к красному лимузину.

– Что за!.. Что за наглость! – начал полицейский, моргая на водителя сквозь блики от фар, которые не давали ему разглядеть людей в машине, пока кожаные жалюзи в салоне были осторожно опущены, так что разглядеть что-либо в салоне стало решительно невозможно; но прежде, чем полицейский смог добавить хотя бы еще одно слово к своему протесту, раздался недовольный голос шофера с вялым акцентом.

– Дикс милль, простите, месье, – начал он, а затем добавил на почти уже вышедшем из употребления жаргоне старых лондонских таксистов: – Держи воздух, старый законник! Я только хочу побазарить чисто по цивильняку. Потерял колею. Как вы тут рулите на Хай-стрит, скажите, как добрый христианин? Я не знаю, куды тут ехают.

Мистер Нэрком не успел даже ответить. Хотя он сразу сообразил, что водитель – француз, притом не просто француз, но француз того типа, что известны всему миру под именем «апаши». Леннард пришел к тем же выводам и вступил с лжетаксистом в диалог на том же жаргоне.

– Руль мне в ноги, куда ехать, не знаешь? – вставил он. – Моя шляпа! Покажем. Не просто покажем, возьмем и доехаем, правда, командир, а? – Я чтобы без всяких там этих. Командир – дверку закрой!

Лимузин развернулся в том же направлении, что и такси.

– Теперь ехай прямо вперед и следи за своим передком, Жюль. Мы поедем с тобой. И как сказал герцог Веллингтон Наполеону Бонапарту: «Мне не нужны твои жаворонки, а ты, негодяй, ты идешь вместе со мной!»

Попав в эту ловушку, шофер-апаш даже не пытался уклониться, просто прибавил скорость и направился прямо к далекой Хай-стрит с целью как можно скорее избавиться от своего эскорта. Леннард прибавил скорости и, не отставая от него, сопровождал, пока тьма не сменилась блеском уличных фонарей, пустынные проулки – оживленными проспектами. К тому времени Клик получил возможность спокойно и беспрепятственно скрыться от преследователей.

Глава VI

УКРЫВШИЙСЯ В НОЧНОЙ тьме среди зарослей кустов, которые окаймляли просторы близлежащих пустошей, Клик внимательно наблюдал за представлением, которое устроил Леннард.

– Попал, парень, ты попал! – пробормотал он с ехидным одобрением, когда Леннард организовал почетный эскорт для лжетакси. Затем, из-за чрезмерной осторожности, он замер, не говорил, не двигался и не издавал ни звука, пока оба автомобиля не скрылись вдаль и даже шум их моторов не стих.

Когда машины скрылись, Клик встал и повернулся лицом к пустоши, над которой клубился ночной туман. Он был напряжен, готов к бою, его лоб напрягся от сосредоточения, губы и челюсти сжались.

Но через некоторое время ночь, время и место сработали – Клик расслабился, и беспокойный взгляд исчез; тусклые глаза загорелись, мрачные черты лица смягчились, и любопытная кривая улыбка, свойственная ему от природы, преобразила его лицо.

Это было волшебное место, святилище и сокровищница его памяти, – здесь он воистину ощущал себя самим собой. Здесь в его жизнь вошел Доллопс – голодный изгой, скатившийся на самое дно на заре юности, – если бы они не встретились, пучина преступного мира навсегда поглотила бы парнишку. И здесь он впервые снял маску респектабельности и рассказал Элизе Лорн правду о себе! О его временах апашей – о карьере Неуловимого Взломщика, – и, говоря, он видел, как ее милые глаза наполняются туманом страха.

Но ненадолго, слава богу! Позже, когда время смягчило первоначальный шок, когда девушка узнала Клика ближе, когда нити их жизней тесно переплелись и надежда превратилась в нечто большее, чем просто возможность...

Когда машины уехали, Клик громко рассмеялся, вспомнив прошлое, и с внезапным приливом сил сорвал с себя шляпу, подбросил ее и поймал, счастливый, как мальчишка.

Боже, какой мир – какой славный, какой прекрасный и чудесный мир! Все возможно в этом чудесном мире, если человек идет по достойному пути и умеет трудиться и ждать.

Ну, Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы хотя бы часть его долгого ожидания закончилась бы через месяц. Тогда Элиса Лорн должна вернуться в Англию – ее длительный визит в Хоксли закончился, и теперь между ними не будет стоять ничего. Ведь грядущей осенью он получит окончательный акт реституции – будет заплачен последний долг Неуловимого Взломщика. И тогда придет время... Он снова подбросил свою шляпу и закричал от избытка радости и нырнул в туман.

Его путь лежал через Великую равнину в Хилт-вэлли, а оттуда к станции метро «Хэмпстед-Хит». Он добрался туда так быстро, что в половину двенадцатого электропоезд уже мчал его по лабиринту подземных тоннелей.

Десять минут спустя он перешел на другую ветку, где полчаса кривился из-за мрака, плохого воздуха и затхлого запаха влажных туннелей, прежде чем поезд вынырнул под открытое небо, навстречу воздуху, свежему, сладкому и чистому, как в первый день творения, навстречу полям, тенистым и влажным садам. Далеко на западе над тихой рекой сверкали огни, и звезды отражались в зеркальной глади Темзы.

На игрушечной пустынной пригородной станции, погруженной в тишину, его долгая поездка наконец закончилась, и он нырнул в хитросплетение ночных теней, чтобы насладиться двухмильной прогулкой по тихим, заполненным тенями переулкам, по мокрым пустошам, заросшим молодым папоротником. Клик шел к крошечному домику в сердце зеленой равнины, окруженному старомодным садом. Этот сад был обнесен высокой стеной, протянувшейся фиолетовой полоской у горизонта на фоне далекого леса.

В окнах дома не горел свет, приветствуя Клика. Окна нижнего этажа закрывала от взгляда стена сада, так что снаружи можно было увидеть свет только в верхнем окне, но Клик был уверен, дом не пустует. Выйдя из тьмы, двигаясь бесшумно, словно хищник, и по-кошачьи чутко вслушиваясь в тишину, он был готов поклясться, что слышит, как кто-то беспокойно движется в тени высокой кирпичной стены. К тому же переживания последних ночей заставили его быть крайне осторожным.

Вот Клик остановился и оставался абсолютно неподвижным в течение полуминуты, затем, наклонившись, провел рукой по папоротнику, искусно имитируя бег маленького животного, и потом пронзительно заверещал, имитируя предсмертный визг кролика, пойманного хищником.

– Боже, это наконец вы, сэр? Слава богу, вы живы! – прозвенел из-за стены взволнованный голос. Щелкнула щеколда, и, когда калитка открылась, за ней сиял прямоугольник входной двери дома, и на его фоне чернел силуэт Доллопса.

– Что ты делаешь здесь в это время ночи, молодая обезьяна? Разве ты не знаешь, что уже почти час ночи? – спросил Клик, подходя к мальчишке.

– Да знаю я! Прекрасно знаю! С тех пор как наступила ночь, я не могу сомкнуть глаз, считая минуты, сэр; и если бы вы не появились... «Ну, попробуем по-другому», – как сказала суфражистка, разбивая кирпичом витрину магазина. Правда, боже мой, хозяин, неужели вы не понимаете, что вас не было со вчерашнего дня, и я не слышал от вас ни слова за все это время?

– Ну и что из этого? Это не первый раз, и даже не десятый. Почему это должно стать поводом не ложиться спать? Послушай, юноша, нервные клетки не восстанавливаются, не так ли? Потому что если ты, молодой человек, намерен угробить себя... Повернись и давай посмотрим на тебя! Да ты же бледен, как призрак, молодой человек, и дрожишь, как осенний лист на ветру. С тобой что-то не так, парень?

– Ну, не то чтобы мне в гроб пора, – ответил Доллопс, делая смелую попытку улыбнуться и стать прежним безрассудным, капризным подростком, но получилось у него плохо, потому что улыбка оказалась неуверенной, болезненной. Что-то вроде хныканья прозвучало в его голосе, и острые глаза Клика подметили, что рука юноши слепо ощупывает стену, пытаясь найти опору.

– По крайней мере, ничто не имеет значения сейчас, когда вы здесь, сэр. И я рад... Все нормально! «Ничто не бодрит, как небольшая встряска», – как сказал бык, сбросив ярмо. Так что, конечно...

– Так! Оставь дверь в покое. Я позабочусь о ней сам! – в голосе Клика звучала тревога, он быстро шагнул вперед, закрыл и запер дверь.

– Если бы я не знал, что голод, а не выпивка, – твоя основная проблема...

Сдавленный крик прервал его шуточный комментарий, он обернулся, чтобы столкнуться с ситуацией, отбившей всякое желание шутить. Ибо Доллопс, тяжело прислонившись к цветущему миндальному дереву, согнулся с посиневшим лицом, и его пальцы отчаянно вцепились нижней частью жилета, все его тело сотрясали судороги.

Доллопс дернулся и начал падать, Клик едва успел поймать его, когда он рухнул вперед и тяжело осел в руках старшего товарища. Клик полуинстинктивно подхватил паренька и с большой поспешностью и бесконечной нежностью взял его на руки и отнес в дом. Но едва он уложил мальчика на диван и зажег лампу в маленькой комнате, которая служила им общей гостиной, когда вся агония неуверенности, которая была вызвана этим странным приступом у его воспитанника, исчезла во внезапной вспышке просветления.

Все, что осталось от обильного и поразительно разнообразного пиршества, все еще валялось на маленьком круглом обеденном столе, и там на одной тарелке, лежали панцири двух крабов, на другой – остатки большого пирога с ревенем, на третьем – шкурки пяти бананов

кокотливо прислонились к крышке открытой банки рассола, а рядом с ней стоял стакан, емкостью в пинту, с белым пятном молока на дне.

– Боже! Ну и анаконда! – воскликнул Клик, уставившись на этот памятник обжорству. – Неудивительно, неудивительно!

Он развернулся, посмотрел на извивающегося и стонущего мальчика и внезапно и резко скинул с себя пальто, закатал рукава и бросился к кухонной плите за чайником с горячей водой и аптечкой.

Результат маленького гастрономического эксперимента Доллопса едва ли нужно описывать. Достаточно сказать, что в ту ночь он, как принято говорить, второй раз родился, а следующие двадцать четыре часа Клик не отходил от его постели, почти непрерывно обтирая его смоченной в горячей воде фланелью. Придя в себя после этого, парнишка ослаб так, что не мог стоять на ногах.

– Все, что тебе нужно, чтобы привести себя в порядок, – это перемена обстановки, ты, безрассудный молодой страус, – неделька в пустынной местности, в лесах и в полях, подальше от любой харчевни или кондитерской! – заметил Клик, мягко похлопывая Доллопса по плечу.

– Хорош помощничек – из-за тебя я сутки глаз не сомкнул. Сейчас, сейчас, сейчас! Не реви! Не я виноват, что при виде жрачки у тебя разум мутится! Сиди, пока я сбегаю и приготовлю для тебя кашу. После этого я заскочу и позвоню в Скотланд-Ярд и скажу мистеру Нэркому, чтобы кто-нибудь нашел фургон, который можно арендовать, и мы отправимся на неделю по Йоркширу, старина.

Он ушел звонить, вернувшись вскоре с неожиданными новостями. Так уж сложилось, что идея взять неделю отпуска, неделю побродить по зеленым перелескам, широким болотам и по диким ущельям Йоркшира и пожить простой жизнью в фургоне показалась господину Маверику Нэркому весьма соблазнительной, и он поспешил попросить разрешения у Клика присоединиться к приятелям. Поскольку ничто не могло быть лучше, вопрос был решен немедленно. Фургон нашелся в Шеффилде, и в десять утра следующего дня небольшая компания, оставив за спиной душный Лондон и предместья, направилась в нетронутую суетой глушь, навстречу очарованию смеющихся вод и магии, которая скрыта в лесных чащобах.

В течение пяти дней они вели совершенно идиллическую жизнь; бездельничали в зеленых дебрях и спали в сени шепчущих лесов. Это возвращение к природе оказалось таким же тонизирующим для обоих мужчин, как и для мальчишки, – они расслабились, взбодрив кровь в жилах...

Подготовив фургон к путешествию перед началом этой авантюры, они не приближались к какому-либо человеческому жилью, если это не было необходимо из-за особенностей намеченного маршрута. Каждый день был похож на последующий: на рассвете, под пение птиц они купались в лесном озере или тихой лесной реке, затем собирали топливо, разводили огонь и готовили завтрак, мыли посуду, запрягали лошадей и снова отправлялись в путь. Иногда фургоном управлял Клик, иногда Нэрком, иногда мальчишка. Когда приходило время обеда, они останавливались, чтобы приготовить пищу, на костре, так же, как они готовили завтрак, затем подыскивали место для ночлега, где можно было лежать в траве среди листвы и любоваться звездами.

Таким образом они провели большую часть недели и, возможно, потратили бы всю неделю на подобное времяпрепровождение, но Судьба решила иначе. Здесь, в этой идиллической Аркадии, им пришлось опять столкнуться со Злом, таящимся в сердцах людских, и исполнить суровый долг служения Закону.

На пятую ночь, после девяти часов, случилось нечто любопытное. Они остановились на ночлег возле неглубокого, журчащего ручья, который протекал через придорожную рощу. За верхушками деревьев, прежде чем свет погас, можно было разглядеть зубчатую верхушку далекой башни и, дальше, флюгер на вздымающемся церковном шпиле. Путники поужинали

и наслаждались бездельем. Мужчины курили, развалясь на траве, в то время как Доллопс наигрывал на губной гармошке «Старую Кентскую дорогу», прислонившись спиной к дереву, запрокинув лицо в экстазе, вытянув длинные ноги. Казалось, миллионы миль отделяют их от всех убийц и воров, вымогателей и бандитов, когда вдруг раздался шорох листьев под подошвами сапог и чей-то голос выкрикнул повелительно:

– Руки вверх, именем Королевы!

Вскочив на ноги, они оказались перед лицом констебля, егеря, двух сельских рабочих с дубинками и еще троих – с нацеленными на них ружьями.

Глава VII

– ПРИВЕТ, ГОВОРЮ! – УДИВЛЕННО начал мистер Нэрком. – Какого рожна...

Но договорить ему не дали.

– Вы можете требовать адвоката! Я предупреждаю вас, что все, что вы скажете, может быть использовано против вас! – резко и авторитетно изрек констебль.

– Хокинс, вы и Марлоу внимательно следите за этими парнями, пока я и мистер Симпкинс поищем животное. Я говорил, что это работа цыган, не так ли, мистер Симпкинс? – обратился он к егерю. – Давайте, давайте поищем зверя. Мистер Симпкинс, держите цыган на мушке и стреляйте при попытке к бегству. Не упустите их, мистер Симпкинс. Что?

– Да, но, похоже, эти ребята не воспринимают нас всерьез, мистер Нипперс. Один из их вожаков, по крайней мере! – ответил егерь, когда Клик неожиданно расхохотался.

– Ты не выглядишь похожим на цыгана, но я не могу разглядеть тебя в этом дурацком свете. Подожди немного, сейчас добавим хворосту в костерок.

Он сделал так; и в тот момент, когда сухие листья упали на угли костра, которые путники использовали для приготовления ужина, неожиданно взметнулся в воздух ароматный дым, а затем костер вспыхнул, и стало светло. И в свете костра мистер Нипперс увидел что-то, что заставило его ноги подкоситься.

Великие люди часто забывают о своих встречах с обычными гражданами, но вот сами простые люди никогда не перестают вспоминать о своих встречах с великими и ценят воспоминания о том незабываемом дне, когда они имели честь пожать руку самому.

Прошло пять лет с тех пор, как миссис Маверик Нэрком, ища место, где можно провести летние каникулы с маленькими Нэркомами и их гувернантками, выбрала Уинтон-Олд-Бриджес и прожила там целых два месяца. Трижды во время ее пребывания там ее муж на выходные приезжал к своей жене и детям, и во время одного из этих коротких визитов он встретился с господином Эфраимом Нипперсом, деревенским констеблем на общественной дороге. Суперинтендант тогда соизволил остановиться и поговорить с женщиной и подарил ему шестигранную сигару.

С тех пор времена изменились. Мистер Нипперс был теперь главным констеблем в округе, но он все еще хранил эту сигару под стеклом в гостиной и все еще дорожил живым воспоминанием о великом человеке, который дал ему эту сигару и которого он теперь узрел сидящим на земле, без пальто и в расстегнутом жилете, с всклокоченными усами, пучками сухой травы в волосах, что выглядело диким контрастом к величию его должности.

– О, я дурак! Бросьте дубины и стволы, вы двое – а ну, быстро положите их! Это сам господин Нэрком – господин Маверик Нэрком, руководитель Скотланд-Ярда! – выпалил Нипперс.

– Привет! – воскликнул мистер Нэрком, прикрыв рукой глаза от огня и наклонившись вперед, чтобы получить более четкое представление о говорящем. – Откуда, черт побери, вы меня знаете? И вообще, кто вы? Не могу сказать, что помню, где и когда мы познакомились.

Мистер Нипперс поспешил вспомнить знаменательную встречу пять лет назад, но обстоятельства, которые так глубоко отразились в его памяти, полностью улетучились из памяти Нэркома.

– Не удивительно ли, встретиться вновь? – закончил свой рассказ Нипперс.

– Не могу сказать, что я вспомнил нашу встречу; но миссис Нэрком точно останавливалась в Уинтон-Олд-Бриджес около четырех или пяти лет назад, так что, конечно, все возможно. Кстати, что заставило вас совершить эту внезапную атаку на нас? И что это за парни с вами, зачем им оружие?.. Что-нибудь случилось?

– О, я дурак, сэр, не доложил сразу... Конечно же, да! Убийство, только что совершено... По крайней мере, это только что обнаружилось; хотя само злодеяние не могло быть совершено

давно! С тех пор, как оно произошло, мистер Нэрком, как утверждает мисс Ренфрю, которая нашла тело, сэр, и подняла тревогу, не могло пройти много времени! Поскольку бедняга, погибший джентльмен, был жив без четверти восемь – в это время мисс Ренфрю заглянула в его комнату, чтобы спросить, не желает ли он чего-нибудь, и он сказал ей «нет» и продолжил работать с графиками, так же, как обычно.

– Как обычно? – спросил Клик. – Почему вы говорите «как обычно», мой друг? Был ли этот человек бухгалтером?

– Бухгалтером?! Нет, сэр. Великим изобретателем, вот кем был бедный старый джентльмен. Вы не могли о нем не слышать. Носворт – вот как его звали, сэр. Септимус Носворт из Круглого дома. Вы могли увидеть его башню над вами, если выйти на дорогу, которая за этой рощей.

Клик тут же вскочил на ноги.

– Что? Убит великий Септимус Носворт? Человек, который изобрел литамит? Величайший авторитет в области взрывчатых веществ в Англии? Не этот Септимус Носворт, надеюсь, конечно?

– Увы, именно он... Бедный старый джентльмен. Я так и думал, что это имя будет знакомо вам, сэр. Оно у всех на слуху.

– Да, – согласился Клик. – Литамит известен всему свету; как и его изобретатель. Вдовец, не так ли? – твердый как гвоздь и горький как желчь. У него есть единственный сын – молодой повеса, который любит покутить: спутался с девушками из церковного хора, потом с дамами из мюзик-холла, и в результате его выгнали из-под родительского крова.

– Чудеса! Не думал, что вы знаете обо всем этом! – с удивлением пробормотал мистер Нипперс. – Но если вы сотрудник господина Нэркома, значит, так и должно быть! Мне сказали, что Скотланд-Ярд знает все, сэр.

– Да, иногда мы читаем газеты, мистер Нипперс, – согласился Клик. – Могу ли я понять ваш ответ так, что я прав в отношении сына мистера Септимуса Носворта?

– Действительно, да, сэр, именно так. По крайней мере, из того, что я слышал. Я никогда не вижу молодого джентльмена. Те вещи, о которых вы упомянули, произошли до того, как мистер Носворт устроился в этих местах, – около четырех или более лет назад. У Алвуса здесь была своя лаборатория, сэр, он построил ее на земле, которую арендовал у отца сэра Ральфа Дрогера в начале шестидесятых, и часто приходил сюда и закрывался в Круглом доме целыми днями; но никогда не собирался переезжать сюда, чтобы жить, до тех пор, пока не поссорился с Гарри. Тогда приехал и возвел себе жилье рядом с Круглым домом и привел мисс Ренфрю и старую Пэтти Дакс жить вместе с ним.

– Мисс Ренфрю и старая Пэтти Дакс? Кто они?

– Мисс Ренфрю – его племянница, сэр, дочь покойной сестры. Старая Пэтти Дакс была поварихой. Она умерла шесть месяцев назад, и на ее место наняли госпожу Армройд. Эта дама – француженка, она хотя и шире ланкаширского мужчины, и хотя я не особо доверяю ни иностранцам, ни их образу жизни, скажу так: она содержит дом в идеальном состоянии, а ее кулинария изумительна.

– Я вижу, вы бывали в помещениях прислуги, мистер Нипперс, – спокойно подвел итог Клик, поднимая с земли свое пальто и встряхивая его, прежде чем надеть. – Я думаю, что господин Нэрком, в интересах широкой общественности, согласится подключиться к этому расследованию, так как вопрос касается национальной безопасности. Думаю, нам следует незамедлительно отправиться на место трагедии. Вам следует отвести нас туда. По дороге мы обсудим ситуацию.

– Правильно, старина, – заметил Нэрком, включаясь в беседу. – Нипперс, знакомьтесь, это мистер Джордж Хэдленд, один из лучших моих детективов. Скорее всего, он даст вам пару советов по раскрытию преступлений, если вы обратите внимание на то, что он говорит.

Нипперс «обратил внимание» сразу. Мысль о том, чтобы посоветоваться с кем-либо, связанным со Скотланд-Ярдом, щекотала его душу; и в воображении он уже видел, как его имя попало в лондонские газеты, а его слава распространилась далеко за пределы его родной глуши.

– Я не буду беспокоить вас по поводу деталей, мистер Нипперс, – пояснил Клик. – Мне кажется, что мисс Ренфрю сможет их сообщить сама, когда я ее увижу. А пока скажите мне, сколько еще жильцов в доме, кроме тех двоих, о которых вы говорили: мисс Ренфрю и кухарки, миссис Армройд?

– Никого, сэр, кроме горничной Эмили и горничной Кларк. Но они обе сегодня вечером, сэр, пошли на концерт в Битти Корнерс. Подруга госпожи Армройд прислала ей два билета, но та не могла сама поехать. Ей было жаль, что билеты пропадут впустую, поэтому она отдала их горничным.

– Понятно, никаких слуг-мужчин вообще?

– Нет, сэр. Они есть, но в доме не живут. Джонс – разнорабочий – приходит утром, чтобы выполнить грубую работу, вытащить или унести и тому подобное; есть садовник и мистер Кемпер – ассистент мистера Носворта в лаборатории, сэр. Но никого из них не бывает в доме после пяти часов. Мистер Носворт был против того, чтобы мужчины жили у него в доме, он был очень зол после ссоры с мистером Гарри. Настолько зол, что ни разу даже не позволил мистеру Чарльзу ступить на порог, просто потому, что он и Гарри были друзьями, что сильно расстроило мисс Ренфрю, могу вам сказать.

– Расстроило? Этот мистер Чарльз каким-либо образом связан с мисс Ренфрю?

– Еще как! Да, сэр, он ее молодой человек. Они сладкая парочка с самого детства; но у них никогда не было возможности жениться, потому что у мистера Чарльза – мистера Чарльза Драммонда, таково его полное имя, сэр, – нет ни одного шиллинга, и мисс Ренфрю еще беднее. Мне сказали, что она никогда не получает ничего за то, что хранит дом своего дяди, – только еду, жилье и одежду. При том она работает как негр для него все время. Она хранит его книги и следит за работами по дому, она все делает, но никогда не получает за это никакой благодарности, бедняжка. Мне не нравится говорить плохо о мертвых, мистер Хэдленд, но я должен сказать следующее: редким старым скрягой был мистер Септимус Носворт – и снег зимой у него можно было выпросить только наставив на него дуло пистолета! Но хвала Господу нашему, теперь наша девочка богата!

– Ого! – воскликнул Клик удивленно. – Его завещание было составлено в пользу мисс Ренфрю, не так ли?

– Да. Вот почему она обратилась к нему и мирилась с его причудами. Но он не давал ей увидеть ее молодого человека только потому, что тот и господин Гарри были друзьями и приятелями, когда были просто мальчишками в коротеньких штанишках. У старика было каменное сердце.

– Так. Теперь еще один вопрос. Вы сказали, мистер Нипперс, что мисс Ренфрю, когда обнаружила убийство, подала сигнал тревоги. Как она это сделала и кому она сообщила о случившемся?

– Нам! Мне и госпоже Армройд, конечно. Мы сидели на кухне и ужинали в то время. Горхэм, он там тоже был; но он, конечно, не остался – дежури́м-то мы по очереди!

– Значит, Горхэм – констебль?

– Да, мой зам. Назначен шесть месяцев назад. Он только вышел, когда мисс Ренфрю ворвалась и закричала об убийстве; но он услышал шум и, конечно, вернулся. Я не знаю, что я делал бы, если бы он не вернулся, потому что мисс Ренфрю так и норовила рухнуть в обморок – падала в него несколько раз. Горхэм помог нам перенести ее в гостиную, где госпожа Армройд подожгла перья у нее под носом, и когда мы привели ее в чувство, все трое вышли на улицу и пошли в лабораторию. Вот когда мы впервые увидели отпечатки ног животного. Госпожа Армройд нашла их – по всей клумбе прямо под окном лаборатории.

– Ого! Так вот что вы имели в виду, когда искали «животное», когда задержали нас? Понимаю. Еще одно слово: что это за зверь? Или вы не смогли опознать по следам?

– Нет, сэр, я не смог – никто не смог, даже Ральф Дрогер, а он может опознать любого зверя, если кто-нибудь вообще может его опознать. Сэр Ральф содержит всевозможных животных, птиц и тварей в огромных клетках в парке Дрогер. Однако я могу поклясться в одном: эти следы не были похожи ни на что известное! Я видел картину про святого Георга и дракона на стенах ратуши в Бирчемптоне, мистер Хэдленд. Так вот эти следы больше всего напоминают лапы дракона, чешуйчатые и когтистые, как будто тварь, что оставила следы, была отчасти птицей, а отчасти зверем. И еще... эти следы добрых двенадцать дюймов в длину каждый...

– М-да! Это необычно. Они были глубокими?

– Глубокие! Да, сэр. Животное, которое их оставило, должно было весить как минимум десять или двенадцать пудов. Увидев их, сэр, я понял, что мне с этим разбираться, поэтому я оставил Горхэма отвечать за дом, позвал на помощь этих двоих и мистера Симпкинса, которые все работают в Дрогер-парке, сэр, и отправился на поиски цыган.

– Зачем?

– Потому что госпожа Армройд говорит, что видела цыгана, шлявшегося вокруг дома в сумерках, сэр; и у него была странная вещь, похожая на маску медведя в руке.

– Понятно!.. – протянул Клик, продемонстрировав одну из своих загадочных улыбок. – Все готово, мистер Нэрком? Хорошо! Давайте пойдем в Круглый дом и рассмотрим этот интересный случай. Доллопс, оставайся там, где ты есть, и позаботься о фургоне, лошадях. Если мы будем в отъезде более пары часов, ложись спать. Мы можем отсутствовать долго или не долго. В таких делах никто ничего наперед не знает.

– ЕСТЬ ИДЕИ, СТАРИНА? – прошептал Нэрком, пока они вместе шли за Нипперсом и тремя его помощниками.

– Да, очень много. Господин Нэрком, мне особенно не терпится взглянуть на эти следы и поговорить с мисс Ренфрю. Я действительно очень хочу встретиться с этой молодой леди.

Глава VIII

ДВАДЦАТЬ МИНУТ СПУСТЯ желания Клика были удовлетворены. И, будучи представлен мистером Нипперсом на маленьком собрании в гостиной дома покойного ученого как «мой друг из Скотланд-Ярда», он оказался в обществе одной из тех кротких голубоглазых «мышек», которые, кажется, рождены стать «терпеливыми Гризельдами». Глядя на миссис Армройд, Клик сразу вспомнил описание «леди Джейн» в стихотворении:

*Медленный пульс,
Молочно-белая кожа...
И никакого греха...*

Годы нищеты и рабского труда сказались на ней, и она выглядела старше, чем была на самом деле, – настолько старая и настолько забитая, что миссис Армройд, повариха, казалась в сравнении с ней молодой и привлекательной. Действительно, неудивительно, что мистер Эфраим Нипперс был привлечен этой доброй душой, ибо, хотя ее волосы были прядями седого цвета, а фигура имела вид мешка с мукой, и ее глазам помогали очки в стальной оправе, ее лицо все еще, почему-то, казалось юным, и господин Нэрком, глядя на нее, пришел к выводу, что в двадцать четыре или двадцать пять лет она, должно быть, была удивительно красивой, очаровательной женщиной. Мысли Клика по этому вопросу невозможно установить; поскольку он просто взглянул на нее, когда вошел в комнату, а затем больше не замечал ее.

– Действительно, мистер Хэдленд, я рада, я очень, очень рада, что удача привела вас к нам в это ужасное время, – начала мисс Ренфрю, когда ей представили Клика. – Я не хотела бы говорить что-либо плохое о мистере Нипперсе, но вы можете сами убедиться, насколько беспомощны такие люди, как он и его помощник, чтобы справиться с делом такой важности. Действительно, я не могу избавиться от мысли о том, что если бы здесь дежурили более компетентные полицейские, убийство не произошло бы вовсе. Короче говоря, убийца, кем бы он ни был, рассчитывал на грубые методы этих людей в качестве гарантии своей безопасности.

– Я думаю примерно так же, – ответил Клик. – Мистер Нипперс кратко описал суть дела, но не могли бы вы рассказать мне все подробности, мисс Ренфрю? В какой час мистер Носворт пошел в свою лабораторию? Или вы точно не знаете?

– Да, я знаю, с точностью до доли секунды, мистер Хэдленд. Я посмотрела на часы в то время. Было ровно восемь минут восьмого. Мы вместе просматривали ежемесячные счета, когда он внезапно встал и, не сказав ни слова, прошел через ту дверь. Она ведет к крытому проходу, соединяющему дом с лабораторией. Как вы, возможно, слышали, это круглое здание с зубчатым верхом. Оно было построено целиком и исключительно для проведения его экспериментов. Там есть только один этаж и одно окно – очень маленькое, примерно в шести футах от земли, со стороны Круглого дома, который смотрит в сторону от этого здания. Ничего, кроме двери, на этой стороне. Свет поступает внутрь через крышу, сделанную полностью из тяжелого гофрированного стекла.

– Я понял. Тогда это место напоминает огромную трубу.

– Точно... К тому же облицовано полностью охлаждаемой сталью. Те немногие деревянные детали, которые необходимы для оборудования этого места, полностью покрыты асбестом. Я не стала задавать вопросы, когда мой дядя направился туда. Я никогда не задавала таких вопросов. В последние шесть или семь месяцев он был поглощен разработкой деталей нового изобретения; и я привыкла к тому, что ему не до меня. Мы никогда не ужинали в этом доме... Мой дядя всегда называл это бесполезной расточительностью. Вместо этого мы обычно откладывали чай до шести часов и пили его вместо ужина. Было ровно пять минут седьмого, когда

я закончила смотреть счета, и, поскольку у меня был тяжелый день, я решила рано лечь спать, предварительно прогулявшись до старого моста, где, как я надеялась, меня ждал один молодой человек.

– Я знаю, – мягко сказал Клик. – Я слышал эту историю. Это был бы мистер Чарльз Драммонд, не так ли?

– Да. Однако его там не было. Что-то помешало ему прийти.

– Гм! Продолжайте, пожалуйста.

– Прежде чем покинуть дом, мне пришло в голову, что я должна заглянуть в лабораторию и посмотреть, есть ли что-нибудь, что моему дяде может понадобиться на ночь, так как я собиралась сразу же забраться в постель по возвращении со свидания. Я так и сделала. Он сидел за своим столом, сразу под окном, о котором я говорила, спиной ко мне, когда я заглянул внутрь. Он ответил на мой вопрос кратко: «Нет, ничего не надо. Убирайся и не беспокойся обо мне!» Я немедленно закрыла дверь и оставила его, вернулась сюда и поднялась по лестнице, чтобы внести некоторые необходимые изменения в мое платье для прогулки к старому мосту. Когда я спустилась, готовая к прогулке, я посмотрела на часы на камине. Оставалось ровно семнадцать минут до восьми. Я одевалась чуть дольше, чем предполагала. И чтобы сэкономить время в пути к месту встречи, я решила срезать путь, выйдя через заднюю дверь, по диагонали пересечь нашу территорию вместо того, чтобы идти по шоссе, как обычно. Едва я переступила порог, как натолкнулась на констебля Горхэма. Поскольку он очень дружен с мисс Армройд, мне показалось, что он наносил ей визит и просто возвращается с кухни. Вместо этого он поразил меня, заявив, что видел что-то, что, по его мнению, надо расследовать. Короче говоря, он, патрулируя шоссе, видел, как со стены нашей территории спрыгнул человек и, пригнувшись, исчез из виду, убегая как заяц. Констебль был почти уверен, что этим человеком был сэр Ральф Дрогер. Конечно, это напугало меня почти до безумия.

– Почему?

– Между моим дядей и сэром Ральфом Дрогером была кровная вражда – горькая, дурная вражда. Как вы, наверное, знаете, мой дядя держал эту землю в пожизненной аренде в поместье Дрогер. Иными словами, до тех пор, пока он жил или отказывался освободить эту аренду, ни один Дрогер не мог его выгнать или даже выкопать у него лопату земли.

– Сэр Ральф хотел денег?

– Он хотел. Тайно проделанные бурильные работы выявили тот факт, что и барнслиский каменный уголь, и железная руда залегают здесь. Сэр Ральф хотел снести Круглый дом и это здание и начать добычу полезных ископаемых. Мой дядя, которому предлагали полную стоимость каждой палки и камня, всегда упрямо отказывался сдвинуться на дюйм или сократить аренду на полчаса. «Пока я жив, все останется как есть!» – говорил он.

– Ого! – воскликнул Клик. И затем сморщил губы, как будто собираясь свистнуть.

– При таких обстоятельствах, – продолжила мисс Ренфрю, – вполне естественно, что я ужасно испугалась и была готова действовать по желанию констебля. Мы сразу же поспешили в Круглый дом, посмотреть, все ли в порядке с моими дядей.

– Почему констебль предложил это?

– Вся округа знает о давней вражде между моим дядей и сэром Ральфом. Так что, конечно, это естественно.

– Хм-м! Да! Именно так. Вы, значит, действовали по предложению констебля Горхэма?

– Да. Мы прошли сюда, а затем по крытому проходу в лабораторию, и я открыла дверь. Мой дядя сидел точно так же, как раньше – спиной ко мне и лицом к окну, но хотя он не повернулся ко мне, было очевидно, что он раздражен тем, что я помешала ему, потому что он сердито зарычал: «Зачем, черт возьми, ты пришла сюда и беспокоишь меня, Джейн? Убирайся и оставь меня в покое».

– Хм-м-м! – сказал Клик, хмуря брови и сжимая подбородок. – Есть ли зеркала в Круглом доме?

– Зеркала? Нет, конечно, нет, мистер Хэдленд. Зачем?

– Ничего... Но мне интересно... Если, как вы говорите, он не повернулся к вам и не вы начали разговор, откуда он узнал, что это действительно вы? Вот и все.

– Понимаю, что вы имеете в виду, – протянула мисс Ренфрю, хмурясь. – Странно... Я никогда не думала об этом раньше. Я не могу объяснить, мистер Хэдленд... Полагаю, он принимал это как должное. И обычно он не ошибался. Кроме того, как вы помните, я побеспокоила его совсем недавно.

– Совершенно верно. Это то, что делает происшедшее все более странным. При таких обстоятельствах можно было бы ожидать, что он скажет не «Зачем, черт возьми, ты пришла сюда и беспокоишь меня?», а «Зачем ты пришла снова?» Тем не менее, конечно, нет никаких объяснений для таких маленьких ошибок... Продолжайте, пожалуйста, что было дальше?

– Я, конечно, сразу же рассказала о том, что видел констебль Горхэм и почему я заглянула к нему вновь. На что мой дядя ответил: «Этот человек – осел. Убирайся!» Я закрыла дверь. Констебль и я сразу же ушли.

– Констебль был с вами во время всего этого разговора?

– Да, конечно. Он стоял в крытом проходе у меня за спиной. Он видел и слышал все. Хотя, конечно, никто из нас не входил в саму лабораторию. Понимаете, в действительности входить не было необходимости, когда мы знали, что мой дядя в целости и сохранности.

– Совершенно верно, – согласился Клик. – Значит, вы закрыли дверь и ушли... И что потом?

– Констебль Горхэм вернулся к своим обязанностям, а я полетела со всех ног, так быстро, как только могла, на встречу с мистером Драммондом. Отправившись к старому мосту короткой дорогой, через наш участок, я оказалась там менее чем за десять минут. А в половине девятого я снова оказалась здесь, испуганная еще больше, чем раньше.

– И почему? Вы были так встревожены тем, что мистер Драммонд не пришел на свидание?

– Нет. Это меня совсем не беспокоило. Он часто не может встретиться со мной. Он занимает должность личного секретаря промоутера крупной компании, и его время ему не принадлежит. Что меня напугало, так это то, что после нескольких минут ожидания я услышала, как кто-то бежит по дороге, а через несколько мгновений сэр Ральф Дрогер пролетел мимо меня, как будто его преследовали. При обычных обстоятельствах мне следовало подумать, что он готовится к осенним состязаниям. Он, если вы не знаете, очень увлекается легкой атлетикой и держит кубок уездного клуба по бегу и прыжкам. Только вот, увидев его, я вспомнила, что рассказал констебль Горхэм. В общем, когда я увидела, как сэр Ральф мчится со стороны Круглого дома, все мои мысли смешались. Я впала в панику, чуть не рухнула в обморок.

– И все потому, что какой-то мужчина бежал со стороны Круглого дома?

– Не только из-за этого, – ответила она с содроганием. – Я сказала, что в обычных обстоятельствах могла бы подумать, что он просто тренируется для осенних видов спорта. Видите ли, он был в спортивном костюме из белого хлопка, и его ноги были обнажены до колен, но когда он пролетел мимо меня в лунном свете, я увидел нечто, похожее на огромное пятно крови на его одежде, и, связав это с остальным, я чуть не сошла с ума. Вскоре после этого я вспомнила, что значком уездного клуба является крылатая сандалия Меркурия, выполненная блестящей алой вышивкой. Мне тогда именно эта красная вышивка и показалась кровью... Кровью моего дяди... И я бежала, и бежала, и бежала, пока не вернулась сюда к дому, не взлетела по крытому проходу и не ворвалась в Круглый дом. Дядя сидел, как и раньше. Но он не окликнул меня на этот раз... не упрекнул меня за беспокойство; не сделал ни одного движения, не издал ни единого звука. И когда я подошла к нему... Не знаю, почему я так поступила. Он был мертв,

как камень мертв! Его лицо и горло были разорваны, как будто какое-то разъяренное животное растерзало его, и на его одежде были странные желтые пятна... Вот и все, мистер Хэдленд... Я не знаю, что я делала и куда пошла, с того момента, как вылетела, визжа, из лаборатории, и пока я не пришла в себя и не оказалась в этой комнате с дорогой, доброй миссис Армройд, которая наклонилась ко мне и сделала все, что в ее силах, чтобы успокоить и утешить меня.

– Все так и есть, дорогая, ты не должна больше волноваться. Это слишком много для бедной женщины, чтобы выдержать... – вклинилась в беседу миссис Армройд, наклонясь над диваном и мягко разглаживая волосы девушки. – Лучше ей немного успокоиться, не так ли, мсье?

– Да, так будет лучше, мадам, – ответил Клик, отметив, как мягко ее рука легла и как изящно она провела ею по мягким волосам и по белому лбу мисс Ренфрю.

– Без сомнения, основную часть того, что еще мне нужно знать, вы расскажете сами...

– С удовольствием, мсье.

– ...но пока, – продолжил Клик, заканчивая прерванное предложение, – все еще остается вопрос, который нужно задать и на который может ответить только сама мисс Ренфрю. Поскольку он носит личный и сугубо интимный характер, мадам, не смею ли я просить... – он красноречиво пожал плечами, посмотрел на нее в манере ее соотечественников и оставил остаток предложения недосказанным.

«Мадам» посмотрела на него и грациозно взмахнула руками.

– Конечно, мсье, – сказала она с очаровательной грацией. – *Cela m'est egal*⁴, – и отошла с шагом, удивительно легким и удивительно грациозным для дамы такого веса и столь щедрых размеров.

– Мисс Ренфрю, – позвал Клик, понизив голос и глядя ей прямо в глаза, как только миссис Армройд оставила их. – Мисс Ренфрю, скажите мне, пожалуйста: есть ли у вас какие-либо подозрения относительно личности или целей человека, который убил вашего дядю?

– Ни малейших, мистер Хэдленд. Конечно, вначале мои мысли сразу обратились к сэру Ральфу Дрогеру, но теперь я вижу, как это абсурдно думать, что такие люди, как он...

– Я даже не намекал на сэра Ральфа Дрогера – вставил Клик. – А ведь еще двое имеют такой же сильный мотив, если не более сильный. Вы, конечно, уверены в невинности мистера Чарльза Драммонда?

– Как вы можете!

– Осторожно! Спокойнее, пожалуйста! Я просто хотел узнать, есть ли у вас тайные сомнения. Ваша вспышка послужила мне ответом. Видите ли, нужно помнить, что покойный мистер Носворт, как говорят, написал завещание в вашу пользу. Это так?

– Насколько мне известно, да.

– Утвердив это со своими адвокатами, не так ли?

– Что я могу сказать? Думаю, что нет, однако. Он всегда был самодостаточным и не желал доверять что-либо ценное ни одной живой душе. Даже его самые важные документы – планы и формулы его различных изобретений, даже документы по аренде его имущества – все бумаги всегда хранились на столе в лаборатории.

– Хм-м-м! – протянул Клик и сильно сжал подбородок. Затем, через мгновение неожиданно продолжил: – Последний вопрос! Что вы, мисс Ренфрю, знаете о недавних действиях мистера Гарри Носворта – сына покойного, которого покойный выгнал?

– Ничего, абсолютно ничего! – ответила она с выражением, похожим на ужас. – Я знаю, о чем вы думаете, но, хотя он настолько плох, насколько может быть человек, ужасно даже предполагать, что он поднял руку на своего отца.

---

⁴ Мне все равно (франц.).

– Хм-м! Да, конечно! Но все же, как нам известно, произошло убийство; и, как вы говорите, он был нехорошим человеком и неудачником. Пусть своими подозрениями я даже оскорбил молодого джентльмена и... Но это неважно; это ничего не значит... Значит, вы ничего не знаете о нем?

– Ничего, слава богу. Последнее, что я слышала... он подрался с каким-то ужасным человеком, а затем их обоих отправили в тюрьму за то, что они заманивали людей в ужасные места, а затем подпаивали и грабили их. Но даже это я слышала между делом, а при моем дяде было не принято о нем упоминать. Нет, я ничего о нем не знаю... Вообще ничего. На самом деле, я никогда не видела его, с тех пор как он был мальчиком. Вы знаете, он никогда не жил здесь. А я почти ничего не знала о моем дяде, пока не переехала сюда. Мы были бедны и жили в совершенно другом городе, моя мама и я. Дядя Септимус никогда не приезжал к нам, пока моя мама была жива. Впервые он появился, когда она умерла, а его сын к тому времени уже ушел из дому. Я же была так бедна и так одинока, что была рада принять его предложение и переехать сюда. Нет, мистер Хэдленд, я ничего не знаю о Гарри Носворте. Надеюсь, ради него, что он мертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.